

Четвертая сторона треугольника

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вадим.

Саня.

Лариса, жена Вадима.

Наташа, их дочь.

Лилька.

Иван Петрович, начальник Вадима.

Подвыпивший гражданин.

Санитары.

Грузчики.

Первое действие происходит осенью, второе весной.

Комната, обставленная предельно просто, без излишеств. Это рабочий кабинет Вадима. На переднем плане – два кресла, журнальный столик между ними, на заднем – письменный стол. Сбоку от него окно. Рядом с ним шкаф. Задник – стена, в ней входная дверь. В процессе сценического действия комната должна меняться: время от времени герои будут вносить в нее какие-то вещи – салфетки, скатерки, безделушки, покрывала, и она будет превращаться в другую, уже жилую комнату, в которой проходила и проходит частная жизнь Вадима.

Сбоку на авансцене – садовая скамейка с фонарем над ней. В сценах, когда действие происходит в помещении, ее можно маскировать под диванчик.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Входит Вадим в белом халате. Вадиму около сорока пяти лет. Он темноволос, коротко стрижен. Скромно, неброско одет. "Стертое" усталостью выражение лица. Немного скованные, экономные движения. Видно, что человек он замкнутый, умеющий хорошо себя контролировать. Смотрит на часы. Снимает халат, вешает его в шкаф, шкаф отвратительно скрипит. Вадим досадливо цокает языком, садится в кресло. Вид у него понурый. Некоторое время сидит, опустив плечи. Потом снова взглядывает на часы, вздыхает. Откидывается в кресле, задремывает.

Стук в дверь. Вадим не слышит. Стук становится настойчивее. Внезапно дверь распахивается. Входит Саня. Вадим подскакивает.

Саня – примерно ровесница Вадима. Впрочем, ее возраст определить трудно. Иногда она кажется старше, иногда – младше. Первое ощущение, исходящее от Сани, – ощущение странности. Она маленькая, худенькая, похожая на птичку, одета не по возрасту, как-то по-детски – в «подростковые» джинсы и не идущий ей яркий свитер с аппликацией. На Сане множество дешевой, бьющей в глаза бижутерии – кулоны, цепочки, браслеты. Волосы – "соль с перцем" – в беспорядке. Саня спотыкается об угол ковра, чуть не падает, задевает рукой шкаф, шкаф скрипит. Вадим вскакивает, успевает ее поддержать.

Вадим. Осторожнее!

Саня. Ох... Простите, пожалуйста!

Вадим. Все в порядке.

Делает приглашающий жест. Садятся в кресла. Молчат.

Саня (*после паузы*). Я опоздала, да?

Вадим. Ничего страшного.

Саня (*криво улыбается*). Извините. Вечно я... Епиходов. Двадцать два несчастья. Это папа меня так...

Вадим выжидательно смотрит на Саню, но она не продолжает. Молчат.

Вадим. Вы от Сергея Павловича?

Саня. Да.

Молчат.

Вадим. Чем могу помочь?

Саня (*растерянно*). Не знаю.

Вадим (*трет лоб*). Ну, хорошо... Что вас привело ко мне?

Саня. Сергей Павлович. То есть он не привел... он сказал, чтобы я пришла... Я заплуталась.

Вадим (*с готовностью*). В жизни?

Саня. У вас тут. Корпуса. Переходы всякие...

Вадим. А-а-а.

Молчат.

Вадим (*вздыхнув*). Ладно. Если не возражаете, начнем сначала.

Саня. Я? Нет, что вы, я не возражаю! Я совсем не возражаю...

Вадим. Вас как зовут?

Саня. Александра.

Вадим. Александра... а по отчеству?

Саня. Александра Александровна. Только не надо, пожалуйста... Меня никто... Меня все Саней зовут.

Вадим. Саней? Хорошо. А я – Вадим.

Саня. Я знаю. Мне Сергей Павлович сказал. Вадим Илларионович.

Вадим. Просто Вадим.

Молчат.

Вадим (*мягко*). Саня, но ведь зачем-то вы ко мне пришли. Значит, что-то вас беспокоит.

Саня. Нет-нет. Ничего меня не беспокоит. Это Сергея Павловича беспокоит. А меня ни капельки. Правда-правда!

Вадим. А что беспокоит Сергея Павловича?

Саня. Он вам не говорил?

Вадим. Нет.

Саня. Странно.

Вадим. Почему?

Саня. Ну, вы же друзья.

Вадим (*строго*). Я не обсуждаю проблемы моих пациентов. Даже с друзьями. Они просто звонят иногда и просят кого-то принять.

Саня. Извините.

Вадим. За что?

Саня. За то, что я подумала, что вы обсуждаете... то есть я не подумала... просто сказала. Знаете, как бывает, просто само сказалось. Оно говорится иногда само. Вы не обижайтесь, пожалуйста.

Вадим (*трет лоб*). Я не обижаюсь.

Украдкой взглядывает на часы.

Саня. Может быть, я пойду?

Вадим. У нас еще сорок минут.

Саня. Вы простите, Бога ради.

Вадим (*закипая, но пытаясь это скрыть*). За что?

Саня. Ну, вы же устали. И еще, кажется, у вас голова болит. А тут я, такая себе... (*Смеется*). Дурочка из переулочка.

Вадим (*растерянно*). Что?

Саня. Дурочка из переулочка. У нас во дворе так дразнились. А у вас разве не дразнились?

Вадим. У нас? Хм... Да, вроде бы, дразнились. Саня, а как вы считаете, почему Сергей Павлович вас ко мне послал?

Саня. Знаете, я думала...

Вадим. И что?

Саня (*разводит руками, задевая папку с бумагами, лежащую на столе. Вадим вовремя ее подхватывает*). Я, правда, думала. Но ничего не придумала. То есть совсем ничего. А он не объяснил. Просто дал денег и говорит: пойдешь. Он же знает какой. Он у нас господин суровый. Да, совсем забыла...

Начинает рыться в сумке, не находит того, что ищет, нетерпеливо вынимает из сумки какие-то мелочи, кладет их на колени.

Нету. Ну, куда же... Куда же я его... А-а! Наверно, в гардеробе, в куртке... Точно, в куртке... Я сейчас, одну минуту!

Вскакивает, вещи валятся с колен на пол.

Ой!

Саня садится на корточки, подбирает, Вадим присоединяется, помогает.

(*бормочет*). Росомаха... Дуреха...

Вадим. Зачем же вы так?

Саня. Затем что... Затем, что так и есть. (*Пытается встать, но плюхается на попу*). Вот видите! (*Разводит руками*).

Вадим помогает ей подняться.

Вадим (*неуверенно*). Вы не производите такого впечатления.

Саня. Произвожу-произвожу. Но если с другой стороны посмотреть... должна же я производить хоть какое-то? В смысле, впечатление...

Смеется.

Я скоро, я сейчас.

Поворачивается, идет к двери, спотыкается о тот же угол ковра, но удерживается на ногах, выходит. Вадим озадаченно смотрит ей вслед, вытаскивает мобильник.

Вадим *(негромко)*. Серега? Ну, ты даешь... Слушай, что это ты мне такое подсунул?.. Угадай с трех раз! В самом деле, и как же ты догадался? У тебя что, много таких?.. Ей, по-моему, не сюда. Ей, по-моему, напрямиком к хроникам. Бормочет, лепечет, сшибает все на своем пути, плюхается... Главное, постоянно норовит плюхнуться. А, вот в чем дело... И давно?... Хуже, говоришь? Уверен? Ну не знаю... Может, вообще органика, ее бы хорошо на томограф... А почему? Ага. Категорически, значит? Так-то уж и категорически, ко мне же ведь пришла. Опоздала, правда, на пятнадцать минут, я даже заснул, что-то я в последнее время... *(Невесело смеется)*... Ага, значит, или – или... Шантаж – дело тонкое. Добрый доктор Айболит вместо страшной, серой больницы... Это, конечно, очень мило, но мне-то что прикажешь делать? Вот именно. Бесперспективно, причем абсолютно... Да, кстати, а ты здесь каким образом?.. Никогда в тебе не прозревал таких высот человеколюбия. Ты у нас господин суровый... Что, серьезно? Так-таки лучший? А в каком жанре пишет? А-а-а... Ну, тут, по-моему, и бабуин справится...

Дверь распахивается. На пороге стоит Саня. В руках у нее мятый конверт. Вадим поспешно нажимает кнопку, прячет мобильник.

Саня *(не глядя ему в глаза)*. Вот... Я в куртке забыла.

Вадим. Что это?

Саня. Ну, это как бы... это ваш... гонорар.

Вадим. Сядьте.

Саня запинается о ковер, но удерживается на ногах. Сама себе грозит пальцем, шепчет: "Стоять, Казбек!". Осторожно подходит к креслу, садится.

Саня *(по-прежнему не глядя Вадиму в глаза, с фальшивым оживлением)*. Вы, наверно, с Сергей Павловичем говорили, да? Я вообще-то хорошо слышу. Вижу вообще-то плохо, а слышу хорошо. Лучше бы наоборот, правда? *(Смеется)*. Вы только не огорчайтесь! Я понимаю...

Вадим *(устало, механически)*. И что же вы понимаете, Саня?

Саня. Как что? Ведь я должна это... раскрыться. А я не раскрываюсь. Что вам еще остается делать? Только косвенным путем...

Вадим *(веско)*. Я вам не лгал. Я никогда, слышите, никогда ни с кем не обсуждаю своих пациентов.

Саня. Да верю я, верю.

Вадим. Просто вы оказались крепкий орешек.

Саня *(удивляется)*. Я? Да что вы! Я не крепкий. Это Брюс Уиллис крепкий орешек. Я, если хотите, вообще не орешек.

Вадим *(бессильно)*. И кто же вы?

Саня. Не знаю... Я, наверно, вроде какой-нибудь птицы. Поползня. Вы видели поползня? Я тоже – нет. Он по дереву ползает. Туда-сюда, туда-сюда. А из зверей я, может быть, лошадь...

Вадим. Ну что же, Саня, на сегодня, наверно, достаточно.

Саня *(с радостью)*. Да-да, конечно!

Вскакивает. Вадим собирает тело в стойку, чтобы вовремя подхватить ее, но все обходится благополучно.

Вадим. В следующую среду в это же время вам удобно?

Саня. Мне? Да, наверно. Конечно, удобно. Это раньше мне было неудобно, потому что к папе сиделка по средам не ходила. Она по средам внука водила в секцию, на фигурное катание. А сейчас папа умер, и всем все стало удобно.

Вадим молча смотрит на нее.

Саня. Извините...

Вадим. За что на этот раз?

Саня. За то, что порчу вам настроение...

Выходит.

Вадим. Уф-ф-ф!

Дверь открывается, появляется Саня.

Саня. Простите... я вот... я забыла отдать...

Протягивает мятый конверт.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В комнату входит Лариса, жена Вадима. Ларисе около сорока пяти лет. Она привлекательна, стройна, изящна, стильно одета. Лариса толкает перед собой сервировочный столик. На столике столовые приборы, салфетки, еда. Она стелет скатерть на журнальный столик, составляет на него посуду, покрывает кресла какой-нибудь симпатичной тканью, словом, малыми средствами создает домашнюю атмосферу, в чем-то даже утонченную и изящную. Звонит телефон. Лариса поднимает трубку.

Лариса. Слушаю вас. Да, здравствуйте, Татьяна Степановна. А его еще нет.

Отстраняет трубку от уха. Оттуда донесется неразборчивый, но громкий и напористый голос. Какое-то время Лариса играет с трубкой, машинально перекладывает вилку, передвигает стакан. Чувствуется, что собеседница ей надоела, причем, уже давно. Потом, когда голос в трубке становится тише, возникает пауза, она снова подносит телефон к уху.

Я могу вам чем-то помочь?

Голос в трубке возвышается, опять повторяется предыдущая мизансцена. Когда собеседница замолкает, Лариса вновь подносит трубку к уху.

Ну что ж, если я ничем не могу помочь, тогда лучше подождать Вадика. Разумеется, передам. Придет и перезвонит. Да-да, сразу же. Всего доброго, Татьяна Степановна (*кладет трубку*).

Манера речи у Ларисы четкая, отточенная, предельно спокойная. Чувствуется, что она – человек трезвый, здравый. Может быть, даже излишне трезвый и здравый.

В комнату из двери заглядывает Вадим, он в куртке.

Примечание: в течение всей этой картины Вадим должен постепенно выглядеть все более усталым.

Вадим. Привет.

Лариса. Привет. Картошку купил?

Вадим. Купил.

Лариса. А молоко?

Вадим. И молоко.

Лариса. А творог?

Вадим. И творог.

Лариса. Тогда мой руки и за стол.

Вадим. Слушаюсь.

Исчезает. Снова звонит телефон. Лариса берет трубку.

Да. Это я. Да, именно сюда. Можете. Секундочку (*берет ежедневник*).
Имя, возраст, пол, проблема... Да-да, я записала. На шестнадцатое, на четырнадцать ноль-ноль. Что? Извините, но сейчас полноценная обратная связь невозможна: сперва надо поисследовать...

Входит Вадим, садится, принимается за еду.

Ваш сын... Ах, муж? Тем более. Поисследуем контекст, наладим поддержку и уж тогда включим обратную связь со всеми задействованными в ситуации... При необходимости пригласим вас в мультисемейную группу... Именно. Всего доброго. (*Кладет трубку*). Подождать не мог?

Вадим (*с набитым ртом*). Извини. Голоднющий. Не успел сегодня...

Лариса. Что так?

Вадим. Незапланированная пациентка. Серега подгадил.

Лариса. Тяжелая?

Вадим. Еще не понял. Дикая какая-то тетка. Выжала меня от и до. Серега говорит, его лучший автор...

Лариса (*без интереса*). Бывает.

Едят.

Вадим. А у тебя как?

Лариса. Как обычно.

Вадим. Группа?

Лариса. Монодрама.

Вадим. А-а-а.

Лариса. С новеньким. Отождествил себя с моей сумкой. Чуть отняла.

Вадим. Почему с твоей?

Лариса. Подозреваю латентную гомосексуальность.

Вадим. Бывает...

Едят.

Вадим. Ташка звонила?

Лариса. Нет.

Вадим. Слушай, может, нам самим...

Лариса. Зачем это?

Вадим. Просто так. Что, разве нужен повод?

Лариса (*пожимает плечами*). Хочешь – звони.

Вадим. А ты не хочешь?

Лариса. Опять?

Вадим. Что "опять"?

Лариса (*раздраженно*). Мы же ее отпустили, когда ты поймешь, наконец, отпустили! Сколько можно толкаться границами с взрослой дочерью?

Вадим (*кладет вилку*). Лорка, очнись. Ты дома. Сеанс закончен.

Лариса. Странный ты человек, Вадик. Странный.

Вадим (*вяло*). И что же во мне странного?

Лариса. Для меня это так, будто ты где-то не в контексте. Будто весь твой опыт на тебе самом спотыкается, и тебе от него пользы – ноль целых ноль десятых.

Вадим. А что, должна быть?

Лариса. Кто?

Вадим. Польза.

Лариса. Нет, я тебя не понимаю. Я положительно не понимаю...

Вадим. Чего ты не понимаешь?

Лариса. Я многого не понимаю.

Вадим. Хорошо, поставим вопрос корректно. Чего ты не понимаешь на этот раз?

Лариса (*понемногу взвинчивается*). Твоей навязчивой фиксации на прошлом: сю-сю-сю, папуля – сю-сю-сю, Натуля...

Вадим. Лорка, да что с тобой?

Лариса. Ничего. Просто ты меня фрустрируешь. Твои манипуляции...

Вадим. Какие манипуляции, Лор, ну какие манипуля...

Лариса. Вот сейчас, например, ты взываешь к моим материнским чувствам...

Вадим. А что, нельзя?

Лариса (*с силой сводит пальцы, медленно вдыхает и выдыхает*). Ладно, проехали.

Вадим. Как скажешь.

Продолжает есть. Лариса встает, забирает свою тарелку, уносит. Слышен шум льющейся воды. Вадим откладывает вилку, откидывается в кресле, прикрывает глаза. Щелкает замок, дочь Ларисы и Вадима, Наташа, заглядывает в дверь.

Наташа. Привет, папуль! Привет, мамуль!

Исчезает. Появляется Лариса, намазывает руки кремом.

Лариса. Ну вот, а ты психовал.

Вадим. Ничего я не психовал.

Лариса. Психовал-психовал...

Вадим. Да с чего ты взя...

Входит Наташа. Вадим замолкает.

Наташа. Мамулечка! Папуля, солнце!

Громко чмокает родителей. Плюхается на диван. Оба подходят к ней, садятся: Лариса в головах, Вадим – в ногах. На лицах обоих нежность.

Ффу!

Вадим. Откуда ты, прелестное дитя?

Наташа. Ой, па, откуда я только не... С утра на парах, сперва Карга, потом Кретин...

Вадим. Стоп-стоп. Кто это – Карга? Кто – Кретин?

Лариса (*холодно*). Карга – это по менеджменту. Кретин – по маркетингу.

Наташа. Ну... Потом зависли в "Ньюс-кафе"... Па, стаскай маму в "Ньюс-кафе", ну до того прикольное место, я бармена знаю, он такой уматный...

Вадим и Лариса говорят одновременно.

Вадим. Почему бы и нет?

Лариса. От тебя дождешься.

Наташа. Потом... стоп... что же было потом? Ой, пять сек...

Быстро отбивает смс.

Да, так что там дальше было-то? А-а! Потом я подорвалась на стрелку с Кулем...

Вадим. С кем?

Лариса (*торжествующе*). С Прохоровым. Он руководит Ташкиным дипломом.

Вадим. А почему Куль?

Наташа. У него фигура такая: первый этаж сюда, нижний – туда, никакого резонанса.

Лариса. А что дальше?

Наташа. Дальше все. Дальше Тёмка с работы забежит, меня подхватит, и мы – у-у-у-у! Сегодня "Серебряная свадьба" в "Бронксе", там такая девчонка поет улетная...

Звонит телефон. Лариса берет трубку.

Лариса. Слушаю. Да, Татьяна Степановна. Да, дома... Не успел потому что. Только что пришел... Вот сами его и спросите. (*Вадиму*). Вас вызывает Таймыр.

Вадим берет трубку, отходит в сторону.

Наташа (*кричит*). Бабуле физкульт-привет!

Как по команде, звонят мобильники Ларисы и Наташи. Все трое одновременно говорят (в разных углах комнаты).

Вадим. Да, ма... Передала, передала, я просто не успел тебя набрать... Ма, ну, какое поздно, четверть девятого. А? И правда, десятого... Да, сегодня подзадержался маленько...

Лариса. Возраст, пол, проблема... Ах, вот как... Нет, извините, это не наш контингент, существуют специализированные группы... Что? Да что вы себе позволяя...

Откладывает трубку, сводит пальцы, медленно, размеренно дышит.

Наташа (*нежно*). Да, Тёмненький... Ты когда? Ты где? Да ты что! А чего не заходишь? А-а-а, ясненько. Сейчас, подожди пять сек... Уже бегу. Лю!

Наташа вскакивает, подлетает к Ларисе, шумно целует. Лариса сует ей в карман яблоко.

Мамуль, я тебя обожаю!

Подбегает к Вадиму. Обнимает сзади.

Папулечка, любименький! Чмоки-чмоки!

Вадим пытается удержать ее за руку. Рука медленно выскользывает. Наташа исчезает. Вадим смотрит ей вслед. Из трубки доносится возмущенный голос.

Вадим (*неуверенно, скованно, даже подобострастно*). Да, ма? Что ты, я слушаю тебя, слушаю внимательно. Да это Ташка тут... уже убежала. Поужинала, конечно, поужинала... А что? Это срочно? Мам, что-то случилось?... А-а, ну, тогда хорошо. Когда? Ну, раз ничего такого, то, как всегда, в пятницу. Нет, завтра не получится. И послезавтра. Ну, мам, что ж делать, посмотри пока тот, что в кухне, а я в пятницу большой заберу и тебе завезу...

Слышны короткие гудки в трубке. Вадим набирает номер. Лариса с колючей улыбкой смотрит на него.

Ма, нас разъединили... Ах, вот что? Ну, ма, ты чего, в самом деле...

Опять гудки. Вадим кладет трубку.

Обиделась.

Лариса. Это, конечно, не мое дело...

Вадим. Лор, не начинай, а?

Лариса. Но сколько ты будешь ей попустительствовать? Она же тебя пожирает! Этот ваш невыносимый симбиоз... И то, как ты постоянно перед ней заискиваешь... как лебезишь...

Вадим подходит к дивану, ложится на бок, поджимает коленки, кладет подушку на голову. Лариса некоторое время стоит над ним, потом вздыхает, отходит. Звонит домашний телефон.

Лариса. Да, слушаю... Ну что вы все молчите, что вы все молчите? Слов не знаете? Так, по крайней мере, хоть тьякнули бы...

Вадим незаметно высвобождает ухо из-под подушки.

(задушевно) Барышня, дорогая... вы ведь барышня, не так ли? Вам, верно, Вадим Илларионович нужен? А Вадим Илларионович устал. Спит Вадим Илларионович. *(Повышая голос)* Вадим Илларионович спит! И прошу вас, не звоните сюда больше. Это наприлично, в конце концов.

Швыряет трубку. Сводит пальцы, дышит. Подходит к Вадиму, стаскивает с него подушку.

(Жалобно) Вадичек... Ты меня еще любишь, Вадичек?

Вадим, вздохнув, садится, обнимает ее за плечи. Молчат, смотрят вперед, в одну точку. Лариса утирает глаза, отталкивает его руку, с гордой спиной выходит из комнаты. Слышен громкий шум воды – Лариса включила душ. Что-то падает, звенит. Ларисин голос: "Черт!!!". Вадим на цыпочках подходит к мобильнику, набирает номер.

Вадим. Лилька, это ведь ты звонила, да? *(Упирается лбом в стену).* Господи! Лилька! Ну, тебе-то от меня что надо, Лилька?!

Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рабочий кабинет Вадима. Он входит в белом халате, смотрит на часы, снимает халат, вешает в шкаф. Шкаф скрипит. Вадим морщится. Садится за стол, включает компьютер. Стук в дверь.

Вадим. Войдите.

Входит Иван Петрович, начальник Вадима. Ивану Петровичу за шестьдесят. Это крепкий мужчина с крестьянски-основательной фигурой и с простым лицом.

Иван Петрович. Здорово, Илларионыч. Трудисься? Это хорошо. Трудиться нужно. Но в меру. Что-то ты зелененький, вконец астенизировался...

Вадим. Здравствуйте, Иван Петрович. Присаживайтесь.

Иван Петрович *(продолжая стоять).* Да-да. Да-да.

Вадим выходит из-за стола, подходит к Ивану Петровичу. Жмут друг другу руки.
Иван Петрович озирает кабинет.

Про Мартыхина слыхал?

Вадим. Кто ж не слыхал про Мартыхина?

Иван Петрович. Так вот, он только первая ласточка. Есть сведения.

Вадим. Какие?

Иван Петрович (*веско*). Всякие.

Вадим. О чем хоть сведения?

Иван Петрович. О чем обычно. О том, что головы полетят.

Вадим. Из-за Мартыхина?

Иван Петрович. Не. Из-за Карпухина. Да-да.

Вадим. А что Карпухин?

Иван Петрович. Карпухин... Карпухин – это, братка ты мой, сила. У него в третьей главе, той, что по диспансеризации, статистика, помнишь, красивая такая статистика...

Вадим. Помню статистику.

Иван Петрович. То-то и оно. Да-да. То-то и оно.

Вадим. Что?

Иван Петрович. А то, что за семьдесят третий год эта статистика! А он ее, значит, оттуда выковырял и приспособил, так сказать, к нуждам современности.

Вадим. М-да... Неприятно.

Иван Петрович. Не то слово! Полетят головы! Уж поверь моему нюху, полетят... Аккуратнее надо. Особенно тебе.

Вадим. Почему мне?

Иван Петрович. Да-да... в свете твоей темки...

Вадим (*настороженно*). А что моя темка?

Иван Петрович. Да так... Мрачноватая темка. Они там не любят. Да-да.

Вадим (*нарочито бодро, пытаясь шутить*). Ну, психиатрия – штука вообще не из веселых.

Иван Петрович. Так-то оно так. Но ты вспомни ихний комсостав, так сказать... Лоры с физиологами. И главное, бабья много... квохчут... кудахчут... Нет, лучше было тебе что-нибудь такое... аддикции там... компьютерная зависимость, она сейчас на ура идет. Да что теперь говорить! (*Машет рукой*). Но это так, тет на тет. На предмет, чтобы ты бдил, значит. Или бдел?

Вадим. Бдил.

Иван Петрович. Вот и бди дальше.

Вадим. Я бдю... тьфу-ты!

Пауза.

Иван Петрович. (*Оглядывая кабинет*). Скудненько у тебя тут, прямо скажем. Скудненько. Обновить бы. Освежить интерьер... И компьютер, как я погляжу, того-с...

Вадим выжидательно смотрит на Ивана Петровича.

Ну, ничего, ничего... Пустяки, так сказать, дело житейское, да-да. Помнишь Карлсона? Было бы время, я б статейку накропал. А что? Научпоп. "Манипулятивные техики и стратегии Карлсона". Ты как думаешь, нормально?

Вадим. Нормально. Сейчас такое любят.

Иван Петрович. Так что я тебя включу. Тут фонды должны, вроде... (*что-то чиркает в блокноте*). Что здесь у нас? Ага, шкаф... диван, кресла... две единицы... компью... (*Кладет блокнот и ручку в карман*). Да-да. Так вот, чего я собсно... Есть и хорошее. Статья наша с тобой, что в "Вестнике", пошла. А ту, что в "Вестях", на третий номер планируют.

Вадим (*вяло*). Здорово.

Иван Петрович. К защите хорошо бы книжечку твою продвинуть. На какой она... это... стадии развития?

Вадим (*настороженно*). На последней.

Иван Петрович. Так это ж замечательно! Молодца!

Подходит, берет Вадима за пуговицу пуловера.

(Доверительно). Вот мне говорят некоторые: какой-то он замороженный. Это про тебя. Спонтанности в нем нет. Полета души... А я отвечаю: все вы тут Милтоны, мать вашу, Эриксоны... Все вы тут Перлзы с Лоуэнами, понимаешь. А положиться не на кого. Только на Илларионыча. Трудяга – это раз! Эрудит – два! Адекватный – три! Все вы тут стрекозлы, он один муравей! *(Треплет Вадима по плечу, любовно).* У-у-у, муравьище! Ну да, говорю, с ассертивностью у него не фонтан, но...

Вадим *(смотря в пол).* У меня пациент сейчас...

Иван Петрович. Да-да. Так о чем я говорил?

Вадим. О том, что я не Эриксон.

Иван Петрович. Не, это потом, а раньше... Ах да, о книженции о твоей. Хвалю! Вот что значит – сидишь себе тихонько на месте и кропаешь. Выдаешь продукт на-гора! Я и сам, знаешь, все собираюсь... Но ведь не дадут! Не дадут же! На той неделе в Пензу, после в Лондон, а потом сразу же – в Эмираты. Скажу тебе, как другу, как ученику: забодался. Декомпенсировался. Так что Эмираты – это пше-то кстати. Отметился в списке – и к морю, к морю! Бывал в Эмиратах? Ничего, ничего, какие твои годы... Там в следующем октябре конгресс, бархатный сезон... Я тебя помечу *(вынимает блокнот, что-то записывает)*, а то нехорошо получается, да-да... Кто уж кто, а ты... Заслужил! Работник безотказный... Ученик и товарищ. Мой бессменный соавтор, да-да. Стоп. А что если... *(делает вид, что счастливая мысль лишь сейчас осенила его голову).* А как ты смотришь на предмет...

Подходит к Вадиму вплотную, приобнимает его за плечи, дышит в лицо. Вадим заметно напрягается, пытается вежливо отстраниться.

... насчет, значит, объединенья усилий? Мы же привыкли, так сказать, совместно... Приноровились это... творческим тандемом. Ты пораскинь на эту тему, будь ласка, как говорят на суверенной Украине, да-да, на Украине,

ридной нэньке... Не, теперь так нельзя, надо "в Украине", значит, "в ридной нэньке", что ли? *(Смеется)*. Зигмунд наш Яковлич, который Фрейд, в гробу переворачивается...

Вадим пытается вежливо высвободиться из цепких объятий шефа. Тот прижимает его еще сильнее.

Да ты что, ты что! Я же не настаиваю! Я так просто, в порядке обсуждения! Как говорится, была бы честь предложена... Вот помню, мой руководитель, светлой памяти, Федор Ферапонтыч... Он... это... не церемонился. Говорил: в храм отдают десятину. А я, говорит, ваш храм и есть. Да-да. Я ваш храм науки. Так и говорил... Скажу тебе по совести, какая там десятина, какая десятина! Половина минимум! А бывало еще, что фамилия соавтора слетала... вот так, сама собой... при печати. Технические издержки. Да-да. Я чего о тебе вспомнил? Ты отследил контекст – с головами-то. Ух, и полетят! Это я тебе как твой наставник говорю, опытный и мудрый.

Конечно, в случае, если... тогда как по маслу пройдет. Все знают: Иван Петрович – это тебе не шерсти клочок, Иван Петровича на кривой козе не объедешь... Да-да. И заметь, так сказать, дополнительно: я ж тебе не предлагаю, как Ферапонтыч покойный... Я как-никак в теме и посильный вклад обеспечу: материальчик-другой подкину, тезисы, то да сё. Страничек двадцать наберу без проблем. Всобачишь там по тексту. Да-да.

Вадим слегка отворачивает лицо от приблизившегося к нему вплотную Ивана Петровича.

Ну что, будем, значит, трудиться сообща? В общем, так сказать, ресурсе?

Вадим криво улыбается. Кивает. Иван Петрович хлопает его по плечу. Вадим морщится, охает.

(Сочувственно). Что, бурсит?

Вадим. Угу.

Иван Петрович. Ничего-ничего. Пройдет. *(Напевает)* Неудачу эту мы переживем. Да, кстати, как тебе темка, если, к примеру, научпоп: "Кот Леопольд: стратегии и техники гуманистической психотерапии"?

Вадим. Хорошо. Сейчас любят.

Иван Петрович делает жест: "Но пасаран", выходит. Вадим быстро ходит по комнате. Садится за стол, трет лоб. Встает, ударяется о край стола, глухо стонет. Опять ходит. Открывает окно, высовывается в него. Садится. Долго шарит в столе, наконец, находит пачку сигарет. Трясет ее, проверяя, осталось ли в ней что-либо. Должно быть понятно, что курить он бросил, потому и пачка далеко: завалилась. Вытряхивает одну-единственную сигарету, долго смотрит на нее. Вкладывает опять в пачку. Хочет сунуть пачку обратно в стол, но, передумав, швыряет ее в окно. Ходит по комнате, убыстряя шаги. Потом монотонно говорит: "Сволочь, сволочь, сволочь!". Внезапно срывается и выбегает из кабинета.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В дверь стучат. Затем еще раз. Потом дверь приоткрывается, в проеме появляется Саня. Оглядывает кабинет. Робко входит. Внимательно смотрит под ноги, аккуратно обходя все углы. Подходит к шкафу, приоткрывает дверцу. Дверца мерзко скрипит. Саня удовлетворенно кивает, садится на пол, вынимает из сумки флакончик, тряпочку, палочку и начинает проделывать какие-то манипуляции с дверцей. Влетает Вадим. В руке у него та самая мягкая сигаретная пачка, которую он только что выбросил в окно. Он не видит Саню: она скрыта дверцей. Пытается резко захлопнуть дверцу. Флакончик вылетает у Сани из рук, ударяет в лицо, из флакончика вытекает жидкость, заливая Санины глаза, шею и грудь.

Саня. Ой!

Вадим. Ой!

Обходит шкаф, видит Саню: она, зажмурясь, трет лицо рукавом.

Вадим (*обреченно*). Что вы здесь делаете?

Саня (*сидя на полу, продолжая тереть глаза*). Здравствуйте! Так сегодня же среда. Вы назначили.

Вадим. Я вам на два часа назначил. А сейчас (*смотрит на часы*) сейчас уже почти четыре.

Саня (*сидя на полу*). Ой, опять я значит... Просто... Вы сказали: в то же время. А я и решила, что "то же время" – это буквально... то есть, то, в которое вы мне сказали, что в то же время. А это было в три ноль пять...

Вадим. Но уже четыре...

Саня *(все так же сидя на полу, весело)*. Это потому что я топографический идиот. Проехала остановку, а искала так, будто не проехала. Будто приехала, куда нужно. Хожу-брожу там. Где больница? Нет больницы... Словно корова языком... А когда поняла, что я не туда приехала...

Вадим. Ясно.

Саня. ...оказалось, что надо возвращаться не одну, а почти что три остановки...

Вадим *(нетерпеливо)*. А здесь-то, на полу, вы что делаете?

Саня *(все еще сидя на полу)*. Я не на полу, я у шкафа. У вас тут дверца скрипит.

Вадим. И что?

Саня. Очень противно скрипит. Я хотела смазать...

Вадим *(подозрительно)*. В чем это вы?

Саня. В масле. В подсолнечном.

Вадим. Понятно.

Делает несколько нервных шагов по комнате, подходит к Сане, протягивает ей руку.

Вставайте.

Рывком, раздраженно поднимает ее на ноги, ведет к креслу, сажает в него, берет с нижнего яруса журнального стола пачку бумажных носовых платков, всовывает ей в руку.

Саня *(виновато)*. Спасибо *(утирается платком)*. Вы меня просто спасли. *(Нагибается положить пачку на место)*. Ой, сколько же их тут! А зачем так много?

Вадим. Для пациентов. На случай непредвиденных рыданий.

Саня. А-а-а... *(С живым интересом)*. А те, что с предвиденными, они, наверно, свои приносят?

Вадим смотрит на сигаретную пачку.

Вы... ничего страшного... вы курите. Я люблю... У меня папа курил.

Вадим. Я не курю вообще-то.

Саня. А-а-а. Извините.

Вадим (*резко*). Почему вы все время извиняетесь?

Саня молчит.

Вадим. Ну ладно. (*Достает сигарету, вертит в руке*).

Саня. Жалко, что вы не курите.

Вадим. Почему?

Саня (*мечтательно*). Вам бы пошло. И еще борода...

Вадим. Что – борода?

Саня. Вы никогда не носили бороду?

Вадим. Да нет, Бог миловал.

Саня. Ой, вы это напрасно... Такое лицо значительное делается, если с бородой! Вы только не обижайтесь, у вас и без бороды значительное, но борода – это же совсем другой колленкор! Вот, например, есть у меня такой Боб. Он, кстати, курит, правда, не сигареты – трубку и носит такую бородку, шкиперскую. Это которая без усов, знаете? Вид, конечно, пиратский, но вообще-то он довольно милый.

Вадим (*уныло, без интереса*). Вы к нему привязаны?

Саня. Конечно! Я к ним ко всем привязана...

Вадим (*озадаченно*). И много их? Всех?

Саня. Ну, человек шестнадцать, наверно... постоит-постойте... нет, вру, восемнадцать. Плюс минус. Потому что еще есть спорные фигуры... Ведь не могу же я всех любить одинаково!

Вадим оторопело смотрит на Саню.

Вадим. А-а-а... могу ли я полюбопытствовать, кого вы любите больше всех?

Саня. Конечно, можете. Вы все можете. Вы – мой доктор. А от доктора ничего нельзя скрывать: можно упустить симптом, так ведь? Я вот про папу все записывала, все-все: и как спал, и что ел, и как дышал, и что говорил, и температуру... Вот только...

Вадим. Что?

Саня. Вы только не обижайтесь...

Вадим. За что на этот раз?

Саня. За докторов.

Вадим. Не буду.

Саня. Честное слово?

Вадим. Честное слово!

Саня. Среди них тоже разные бывают.

Вадим *(с некоторой иронией)*. Да неужто?

Саня *(печально)*. Да. Знаете, некоторые не хотели слушать. А некоторые вообще больше не приходили.

Вадим. Понятно. И многие?

Саня. Кто не хотел или кто не приходил?

Вадим. Кто не хотел...

Саня *(вздыхнув)*. Все.

Вадим. А кто не приходил?

Саня. Почти все.

Вадим смотрит на Саню, молчит, потом спохватывается.

Вадим. Ну ладно. Саня, вернемся... гмм... к мужчине, который дорог вам больше всех.

Саня. Больше всех? *(Задумывается)*. Сейчас, наверно, Артур.

Вадим. А почему?

Саня. Мне его жалко. Знаете, мужчины – такие беззащитные люди...

Вадим. Гмм.

Саня. Нет, правда!

Вадим *(иронически)*. Ну, вам, наверно, виднее...

Саня. Понимаете, он любил Анну. Но ему наплели о ней всякого, ну неважно...

Вадим. А все-таки...

Саня. Будто она ему изменяет...

Вадим вздрагивает.

Вадим (*напряженно*). А если... если не наплели?

Саня. Наплели-наплели!

Вадим (*скрещивая руки на груди*). Откуда вы знаете? Ну ладно...

Предположим.

Саня. А он поверил!

Вадим. И что?

Саня. Женился на Лоре...

Вадим закашливается.

В общем, ужас. Все мучаются, бедненькие... Хотя эта Лора, если честно, пренеприятная особа.

Вадим. Что ж, бывает... Но вы-то, вы тут причем?

Саня (*удивленно*). То есть как это – причем?

Вадим. Ну, видите ли... Я так понял... Поправьте, если перепутаю. Есть треугольник: этот, как его...

Саня. Артур.

Вадим. Да, Артур. Потом Анна и (*с напряжением*) Лора. Классический треугольник, так ведь?

Саня. Ну да.

Вадим. А вы, значит, четвертая сторона треугольника?

Саня (*с восхищением*). Вы гений!

Вадим. Что?

Саня. С ума сойти!... Четвертая сторона треугольника. А можно... можно я это запишу?

Вадим (*удивленно*). Можно, конечно. А зачем?

Саня. А если я для названия возьму – вы не будете возражать?

Вадим. Для какого названия?

Саня. Понимаете, сейчас так и называется: "Любовь Анны". Но это, конечно, так просто, чтобы в плане обозначить, это называется "рабочее название". У меня тут вообще – полный провал. Обычно мне названия Сергей Палыч выдумывает.

Чиркает на салфетке, которой вытирала лицо.

Четвертая... треугольника... (*Радостно*). А четвертой стороной пусть будет подруга Анны. (*Бормочет*). Допустим, Софи. Как вам Софи? Или лучше Сандра? Нет, Сандра была, была уже Сандра... Софи, Софи, как-то жестковато, да? Ладно, это потом, потом... Пускай она тоже любит Артура... И вот что... она ведь знает, что про Анну все враки! Но молчит. Из-за Артура, потому что надеется... Но она и Анну любит, потому что они – как сестры, в одном дортуаре росли, в монастырской школе... (*Смотрит на Вадима*). Я не слишком... это... усугубляю? А то Сергей Павлович недоволен, когда я усугубляю. Он говорит: слишком много размышлягеров и мыслечуйствий... раздвоений всяких... Говорит, это все от лукавого. Говорит: надо быть проще. А вам как кажется?

Вадим. По-моему, нормально.

Саня. Правда?

Вадим. Чистая правда. А Сергею Павловичу скажите, что у вашей... как ее... Софи – типичный когнитивный диссонанс. Он должен помнить, в институте учил.

Саня. Он говорит: ты не для интеллектуев пишешь. Ты пишешь для гегемона женского пола.

Вадим. Вас это оскорбляет?

Саня. Что вы? Гегемон тоже человек. Особенно если женского пола. Я вам скажу одну вещь, вы только Сергею Павловичу не говорите, ладно?

Вадим. Ладно.

Саня. Он вообще-то женщин недооценивает.

Вадим (*иронически*). Да неужели?

Саня. Он говорит (*смотрит в пол*)...

Вадим. Что?

Саня. Он говорит: все эти выбрыки твои никому не нужны. Нужен секс. Голый секс во всех смыслах слова "голый". Он говорит: у тебя все кончается возле двери в спальню. А должно начинаться...

Вадим. А вы не хотите попробовать...

Саня. Чего?

Вадим. Побольше секса... Тьфу ты, простите, что-то я сегодня... Я имею в виду – описаний секса.

Саня. Нет.

Вадим. Можем об этом поговорить, хотите?

Саня (*улыбается*). Это вы так сказали, чтобы не как в фильме, да? Потому что в фильмах все психоаналитики спрашивают (*передразнивает*): "Хотите поговорить об этом?"

Вадим (*улыбается*). Ну, хорошо. (*Басом*). Хотите поговорить об этом?

Саня. Н-н-нет, наверно.

Вадим. Видите ли, Саня... Вот то, о чем человек молчит, то, что он оберегает наиболее тщательно – в этом-то чаще всего его проблема и состоит. Он молчит, а проблема его разрушает – тихо, исподволь...

Саня. Не знаю. Мне кажется, меня ничего не разрушает. Только Сергею Павловичу не нравится, что я все время падаю.

Вадим. Так я же о том и говорю! Может, вы и падаете, потому что...

Саня. ... потому что не хочу писать про секс?

Вадим (*веско*). Очень может быть.

Саня. Но все же понятно! Я просто не умею писать про секс.

Вадим. Разве это так уж сложно?

Саня (*искренне*). Вы даже себе не представляете как! Вот, к примеру, мой Боб... ну тот, с бородкой... вам бы, кстати, пошла борода... А, уже говорила? Извините. Так вот – уж на что морской волк, а на эту тему категорически, ни-ни...

Вадим. Саня, простите, минуточку... А Боб, он, что тоже, гмм, ваша фантазия?

Саня (*оскорбленно*). Знаете что, доктор... Может, вам этого и не понять, но Боб – никакая не фантазия. Он совершенно живой человек! Я

много видела таких, вот. Я таких не только по телевизору, я таких даже на улице встречала.

Вероятно, такой всплеск энергии ее утомляет, она слегка оседает, на глазах стареет.

Вадим (*очень бережно, даже нежно*). И все шестнадцать, то есть восемнадцать... Всех вы... видели? Исключительно по телевизору, да? На улице?

Саня кивает.

А лично – никогда?

Саня качает головой. Несколько мгновений молчат.

Саня. Вы о том, был ли у меня мужчина?

Вадим. Ну... в общем и целом.

Саня. Нет. (*Без неловкости, простодушно*). Я – раритет, старая дева. Синий чулок. Кстати, вы не знаете, почему он синий?

Вадим. Нет, я как-то... Но вернемся к вашей ... гм... творческой проблеме. А если придумать, как бы это могло быть... Ну, почитать... кое-что дофантазировать.

Саня. Не выйдет.

Вадим. Почему?

Саня. Я умею писать только о том, что со мной было...

Вадим. Но ведь вы же пишете...

Саня. О любви?

Вадим. Да.

Саня. Так я же не говорю, что никогда не любила! Я сто раз любила! А может, тысячу. Актеров любила. Вот, Янковского Олега. И еще других... Просто у меня любви все такие были коротенькие, такие легонькие... И потом, папа все болел, болел... Я поэтому дома в основном... (*Испуганно*). Или вы думаете, что маленькие-коротенькие, они не в счет?

Вадим. Конечно, в счет.

Саня (*с радостью*). Вот видите! У меня и книжки маленькие, покеты-буки. На одну книжку как раз одной любви и хватает. Иногда – двух.

Вадим. Ну, хорошо, ну допустим. Но ведь и в дортуаре вы не жили. И в монастырской школе не учились...

Саня. Ну и что? Я в пионерлагере жила, в палате на сорок человек. И в школе училась, в советской. А пелерины, прюнелевые туфельки, и книксены там с молитвами – все это можно добрать. Книжки есть, интернет... хотя с ним я пока что "на Вы".

Вадим. Но откуда же можно взять и... ну, секс... уж этим-то интернет забит под завязку.

Саня *(качая головой)*. Нельзя.

Вадим. Почему?

Саня. Потому что... Погодите, я сейчас... сейчас попробую... Вот учительница злая – это я знаю. И разговоры девчачьи после отбоя – знаю. И как руку целуют. Мне Сергей Павлович иногда целует, когда я текст вовремя приношу. И как влюблялась – помню. А вот когда душа и тело в общем чувстве... Я этого не знаю.

Вадим. А вы не усложняете, Саня?

Саня. Вот и Сергей Павлович так говорит!

Вадим. Так, может быть, мы с ним в чем-то правы?

Саня *(грустно)*. Просто... если в интернете, или в книжках брать, так и выйдет, как в книжках. Или, не дай Бог, как в интернете. Ну, вот всякое такое... Я сейчас грубо скажу, простите *(Говорит с трудом, глядя в пол, но горячо, раздраженно)*: "она выгнулась дугой", "ее соски напряглись", "его упругая плоть"... Или "она взяла в руки его горячее естество"... А то еще хуже: "она взяла в руки его мужество"... Это как? Мужество – в руки? Как будто мужество – это вот... ну вы поняли... Простите, мне неудобно об этом... Даже с доктором.

Вадим. Ну, хорошо. На том и завершим. Тем более, что сегодня мы с вами засиделись.

Саня с облегчением вскакивает, но не удержавшись на ногах, снова падает в кресло.

Осторожнее! Значит, так, в следующую среду в два часа. Вас устраивает?

Саня. Да, конечно. Конечно же, устраивает! Меня все устраивает!

Видно, что ей не терпится уйти. Вадим вводит дату в мобильник.

Вадим. Только вот... еще одно. Последнее. Я предлагаю вам... Что-то вроде домашнего задания, что ли? Сделаете?

Саня. Я постараюсь.

Встает, смотрит на Вадима вопросительно.

Вадим. Мне бы хотелось, чтобы вы подумали о том, как это – быть центром собственного мира.

Саня (*смеется*). Ох! Знаете, и вправду трудно. Они все крутятся вокруг, все чего-то хотят. Рвут меня на ленточки, режут на кусочки. Такое впечатление, что я многодетная мамаша. Каждый хватается за локоть, каждый требует: "Мне! Мне! Моя!" А ведь я же не могу разложиться на составные, чтобы всем меня хватило... Анна, Артур, Лора, теперь вот еще и Софи... нет, не нравится мне "Софи", как "фи-фи" какое-то...

Вадим. Может, Натали?

Саня. Почему?

Вадим (*растерянно*). Не знаю... Хорошее имя. У меня дочку Наташей зовут.

Саня (*пробует слово на вкус*). Натали, Натали... А что? Может быть. Очень и очень может быть!

Направляется к двери.

Вадим. Но я не об этом вообще-то. Я имел в виду ваш реальный мир.

Саня (*поворачивается к нему*). Но это и есть мой реальный мир.. И я его центр. Самый-рассамый. Жуткое дело (*Задумывается на миг. С искренним интересом*). Скажите, доктор, а вам удастся быть центром вашего мира?

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Вадима. В комнате хозяйничает Лариса: застилает скатертью столик, расставляет посуду. Напеваёт. Входит Вадим.

Лариса. Ты отруби купил?

Вадим. Купил.

Лариса. А морскую капусту?

Вадим. Тоже.

Лариса. Мой руки и садись за...

Вадим садится верхом на стул, берет со стола кусок хлеба, жует его.

Лариса. Что с тобой?

Вадим. Ничего. А что со мной?

Лариса садится в соседнее кресло, начинает есть, изящно пользуясь ножом и вилкой. Вадим щедро посыпает хлеб солью. С удовольствием ест.

Лариса (*откладывает вилку, встревоженно*). Нет, что-то случилось... у меня прямо отзывается про то, что с тобой что-то не так... Ты уверен, что не хочешь поговорить об этом?

Вадим поперхивается хлебом, смеется.

Ты чего?

Вадим. Ничего не случилось, Лора. Пусть не отзывается, пусть отдохнет...

Лариса. Ты сегодня какой-то... Взъерошенный. И ешь... странно. Мы же договорились с тобой питаться достойно.

Вадим. Ох, и хорошее слово...

Выходит из комнаты, слышно, как открываются какие-то дверцы.

Голос Вадима (*доносится из-за двери*). Куда ты засуну... Ага, вот. Достойно... куда ни плюнь, все достойно: платят достойно, отдыхают достойно, питаются – и то достойно...

Появляется в дверях с граненым стаканом и бутылкой водки, пьет залпом. Наливает еще. Заваливается на диван. Стакан ставит на пол рядом.

Лариса. Эй-эй!

Вадим. Достойный труд. Хе-хе-хе... Достойный творческий труд... За себя, так сказать и за того парня. Одно утешает – за достойного парня...

Достойный труд и достойный досуг. Это то, что у сейчас нас с тобой – достойный досуг. Достойная женщина. Достойный мужчина. Лора, ты как думаешь, я – достойный мужчина?...

Лариса. Ну, в общем-то...

Вадим (*подхватывает*). В общем-то, да, хотя, в сущности, нет... Но все-таки немножечко достойный, с паршивой овцы, как говорится... Ты не отвечай, Лор, это чистая риторика. Немножечко достойный. Эт-т-то хорошо. Это по-нашему. (*Бормочет*). Достойная старость. Достойная пенсия. Достойные похороны...

Лариса. Вадик, да что с тобой сегодня?

Вадим. Сегодня? Сегодня – ничего.

Лариса (*подсаживается к нему, обнимает за плечи, ласково*). Вадичек...

Вадим. Ох, Лора, если бы ты знала...

Лариса (*с готовностью*). Что, Вадик?

Вадим (*тоскливо*). Если бы ты знала, как я ненавижу всех этих "вадииков", "вадичков" и "вадимчиков"... Люто! С детства! Аж скулы сводит...

Лариса. Тебе следовало об этом сказать...

Вадим. Достойная беседа...

Лариса. Хватит!

Отходит, сводит пальцы, глубоко дышит.

Что ты мне инкриминируешь? Развалился тут... пораскидал повсюду свои проекции... Нет, никак я не пойму, про что это у тебя!

Вадим (*со стоном*). Лор, а не могла бы ты куда-нибудь убирать... ну вот сленг свой, вот этот язык наш птичий? Когда домой приходишь... В портфель. В ежедневник. Все эти "отзывается", все эти "мой контекст не в твоём контексте"... "Проекции" с "интроекциями"... "Ретрофлексии" с "дефлексиями". В мусор! В навоз! К бениной маме! Ты представь, ты только представь, как это звучит со стороны: (*говорит с противной,*

передразнивающей кого-то интонацией) у меня сейчас фантазия про то, что в этом месте много энергии... И еще предлог этот debilный – "про". Вот уж что-что, а его бы я точно... удушил бы... Своими руками! Лор, ты серьезно думаешь, что это часть профессии? Это не из профессии, Лор, это из скверных переводов...

Лариса *(стараясь быть терпеливой, тем не менее, собранно, делово)*. Ну ладно. Похоже, поговорить нам все-таки придется.

Вадим. Кто бы сомневался? Валяй!

Лариса. Вадим, я давно уже замечаю... да ты и сам не можешь не понимать...

Вадим. Почему не могу, очень даже могу. Хочу – понимаю, хочу – нет. Да, сделай милость, уточни, а что я должен понимать?

Лариса. То, что с тобой происходит.

Вадим *(с интересом)*. А что со мной происходит?

Лариса. Не придуривайся. Сам знаешь... Типичный кризис среднего...

Вадим *(тоскливо)*. То-то и оно, что типичный. Лор, ты когда-нибудь думала о том, что мы с тобой делаем? Берем схемку: кризис среднего возраста, так? И начинаем запихивать туда человека... По частям. Рука не лезет – не беда, отрубим, голова высунется – ужмем, а если еще чего, не дай Бог, – кастрируем... И вот пациент целиком и полностью... Упакован. Рассортирован. Отформатирован. С биркой на ноге. Ах, нет, прошу прощения, какие пациенты, пациенты это у нас, в госсекторе. А у вас же там все – клиенты. Как в парикмахерской. И сам себе – первейший клиент. Вип. Тебе не тесно, в схемке-то?

Лариса. Вадим...

Вадим *(трезво, печально)*. Что, Лора?

Лариса *(растерянно)*. Я понимаю, могут быть разные мнения... Но я ведь не просто... я стараюсь... *(более уверенно, казенно)* помочь. Дать поддержку...

Вадим. Уйй!

Натягивает на голову подушку. Лариса стаскивает. Недолгая борьба, в которой побеждает Лариса.

Лариса (*задыхаясь*). Чтобы ты осознал, что сейчас испытываешь... Чтобы не убежал от этого, чтобы побыл с этим...

Вадим. Хватит.

Встает. Идет к двери. В этот миг звонит телефон. Лариса хватается трубку.

Лариса. Але! Але! Да говорите же, наконец! (Почти визжит). Девушка, ну сколько можно?

Бросает трубку.

Знаешь что? Будь другом, а? Давай им номер мобильного.

Вадим. Кому – им?

Лариса. Своим студенткам. Профурсеткам!

Вырывает у него стакан, делает большой глоток. Падает в кресло.

Вадим. Какие студентки? Ну, какие студентки... У тебя бред, Лора. Бред ущерба...

Лариса (*не слышит его, медленно, горестно*). Я знаешь, как раньше думала?.. Ну да, теряешь... Многое теряешь. Гибкость. Радость. Глазищи эти... Помнишь, какие у меня были глаза?

Вадим. Помню.

Лариса. И смеешься осторожнее: чтобы зуба треснутого не видно... И плачешь. В семнадцать от слез хорошеешь, в семнадцать от всего хорошеешь, и от слез тоже, румянец такой появляется, глаза тают, как сахар... А вот после тридцати пяти... После тридцати пяти плакать строго возбраняется...

Вадим (*делает к ней шаг*). Лора...

Лариса (*тон постепенно становится более напористым*). Да, теряешь. Многое теряешь. Но ведь и обретаешь многое! Если стараешься как-то... расти. Если работаешь с полярностями... С депрессивными частями.

Вадим вздыхает, опять отступает, Лариса не замечает, говорит, уставясь перед собой.

Вертишься, как уж на сковородке. И вот, вроде, научаешься. Идентифицируешься, попадаешь в контекст... А у него, видишь ли, кризис середины жизни... Климакс у него мужской, видишь ли... андропауза...

Вадим. Какая андропауза, Лор, что ты мелешь?

Лариса. А мне откуда знать – пауза или не пауза? Можно подумать, ты мне часто даешь возможность удостовериться... Нет-нет, я понимаю: требуется живое мясо (*возвышает голос*), чтобы разжигало – попка бесцеллюлитная, в стрингах, грудка... да, ты не знаешь часом, с чего это они все такими грудьми пообрастали? Неужто всё силикон? Или питание? Ну да, уж получше, чем у меня в деревне Зюкино, правда? Знаешь, меня так и звали "Лариска – тощая крыска", "Ларка – рахитка"...

Вадим подходит к ней, обнимает, она вырывается.

Всю жизнь, всю жизнь, ни минутки... без продыху... чтобы освободиться, чтобы улучшить... чтоб развиваться... расти... так на кой ляд, скажи, Вадим, на кой ляд все это? Если попки с грудками все равно перевесят? А?

Вадим. Лорочка...

Лариса (*кричит*). Не смей! Не смей меня жалеть!

Вадим. Почему?

Лариса. По качану...

Садится прямо, вытирает нос, уставляет глаза в пространство, цитирует торжественно:

"Я в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям, а ты в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим. Ты есть ты, а я есть я. И если нам случится найти друг друга — это прекрасно. Если нет, этому нельзя помочь".

Вадим (*вздыхнув*). Что ж, нельзя – так нельзя. (*Постепенно повышает голос*). Хотя, если бы тебе и впрямь было бы интересно, Лор, я бы сказал, что все это – чушь свинячья. Да успокойся, знаю я, что это Перлз. Тоже мне, нашли царя Соломона! Тоже меня мантра! Тоже мне истина! Да таких истин

– тринадцать на дюжину! Да... о чем я... а-а-а, вот. Еще я бы сказал тебе, что эти наши коровы священные тоже дурили. Ох, как они дурили! Так что их надо делить на шестнадцать. И это как минимум, Лора! А главное, я бы сказал тебе, что никогда ни за что, ни в каких обстоятельствах... категорически, понимаешь, Лора, нельзя дерьмо своей священной коровы – хоть Перлза, хоть Шмерлза, хоть Юнга, хоть черта лысого – вываливать на головы домашних... *(Тихо)*. Вот что бы я сказал тебе, Лора. Но не скажу, потому что тебе это фиолетово...

Звонит телефон. Вадим берет трубку, автоматически "включает" участливый, предельно спокойный врачебный голос.

Да. *(Голос становится нервным, нарочито мягким)*. Да, мама. Что? Да нет, все нормально... Ну да немножко. Обычно я устал, мама, обычно, не больше и не меньше... Кафедра? Да, была кафедра... Да, и лекции... И пациенты, ма, и пациенты... А у тебя что? Ну? *(Встревоженно)*. И что сказал?... Так и сказал? Вот прямо так – пора прощаться с миром? Нет, что ты, я верю. Просто терминология какая-то странная... А диагноз?... Блокада пучка Гиса? Полная?... Нет? Ну, и слава Богу, у тебя сто лет уже эта блокада. Да и у меня тоже... Ма, все я доцениваю. Я просто рад, что ничего страшного... Что-что? Ма, ты это серьезно? Так... И почему же это я робот?... Ма, перестань себя накручивать, пожа... Слушай, давай все это прекратим... Так, и что же именно я смею? Мама, я ничего не смею. Ничегошеньки. Я вообще ничего не смею!!!... Давай перенесем этот разго... Потому что... Потому что сейчас мы в разных контекстах *(Осекается, взглядывает на Ларису. Тихо, но с яростью)*. Черт, черт, черт!

Лариса недобро смеется. Вадим пытается смирить тон.

Извини, я это не тебе... Отец? А причем тут... Знаешь что? *(Зло)*. Отец ушел не от меня, он ушел от тебя... Слава Богу, в конце концов, я это понял. Вопреки всем твоим стараниям! *(Устало)*. Ладно, ма, извини. Глотни что-нибудь... Что есть – валерьянки, глицину пососи... Выпей сто грамм... Кто? Я? Пьян? Я не пьян, мам, я просто устал. Причем тут ты? У меня много есть,

от чего можно устать... Ага! *(Закипает)*. А я все жду, когда мы дойдем до этого пункта. Хорошо, давай о любви... Неблагодарный сын не любит мать-старушку... Ах, никого не любит? Ну да, робот он и в Африке робот... Как же тебе не стыдно, мама, как же тебе... Мам, я рвусь на кусочки, как не знаю что... чтобы ты была здорова, чтобы все у тебя, чтобы все у вас у всех... *(Жестко, резко)*. Замолчи! Да, я от тебя устал. Довольна?

Бросает трубку.

Лариса. Ого! *(Хлопает в ладоши)*. Браво, брависсимо!

С гордой спиной, но слегка пошатываясь, выходит из комнаты. Звонит телефон. Вадим хватается трубку.

Вадим *(рывает)*. Ма, я тебя умоляю, не начинай... *(у него резко меняется голос, он остается злым, но в нем проступает растерянность)* Ты?.. Только тебя еще не хватало... Ну что, что? Нет, не могу. Да, занят... Да, вру... не занят, просто не хочу. Почему? Исключительно потому что стараюсь не делать бессмысленных вещей.

Входит Лариса, она явно приложила к стакану еще раз, а может, и не раз. Лариса вращает бедрами, пританцовывает.

Лариса *(напевает)*.

Попробуй муа-муа,

Попробуй джага-джага,

Попробуй ммм-mmm,

Мне это надо-надо...

Вадим смотрит на нее в ужасе. Весь следующий монолог Ларисы – в активном движении, между Ларисой и Вадимом происходит нечто вроде потасовки.

Лариса *(хохочет)*. И с кем это мы... расслабляемся? Дай трубочку, а? Ну, дай, я ей скажу... Ну, дай, не бойся... Я ничего... никакой агрессии... Я сейчас немножко юмор испытываю, только вот вербализировать толком не могу... Если проще... Если без терминов, так меня почему-то на "хи-хи" пробило. Дай трубку, Вадичек... Ну, дай, котик! Не хочешь? Ну ладно! Тогда я так скажу. *(Кричит)*. Барышня, вы слышите, барышня! Нужен он вам – так забирайте его к чертям собачьим!

Вадим опускает трубку на рычаг, Лариса не замечает, кричит.

Только помните: он – лузер! Лузер, девушка! Он вас угробит – и сам не заметит. Он вас собою угробит! Самим собой! Девушка! Он горит, как конфорка дефектная, в четверть накала!

Вадим замахивается на нее, но опускает руку. С силою трет лоб. Ходит по комнате, потом выскакивает, хлопает дверь. Лариса сводит пальцы, сильно, размеренно дышит.

(тихо говорит, как будто продолжая). Да, и еще у него язва! Ему надо все протертое, девушка...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Скамейка на авансцене. Горит фонарь. На скамейке – Лилька. Она ровесница Вадима и выглядит на свои годы. Она красива, но не лощеной ларисиной красотой: из тех, на кого не сразу обратишь внимание, но когда обратишь, глаза отвести трудно. Лилька слегка ежится, ей холодно. Встает, ходит, опять садится. Входит Вадим, лицо у него жесткое, настороженное.

(Примечание. В этой сцене впервые становится заметно, что, оказывается, Вадим хорош собой).

Вадим. Привет.

Лилька. Привет.

Молчат, смотрят друг на друга. Первым сдается Вадим, отводит глаза.

Вадим *(садится на скамейку, вынимает пачку сигарет – не ту, которую выбрасывал в окно, а новую, выщелкивает из нее сигарету, закуривает, не смотрит на Лильку).* Слушаю тебя внимательно.

Лилька молчит.

Вадим *(резко).* Ты, кажется, рвалась поговорить? Домогалась? Вот, домоглась. Я здесь. Весь к твоим услугам.

Лилька начинает тихо плакать.

Вадим *(почти кричит).* В чем дело?

Лилька. Я соскучилась.

Вадим встает, сжимает кулаки, ходит. Останавливается у скамейки, смотрит на Лильку.

Вадим (*взяв себя в руки, спокойно*). Скажи, Лиль, ты это что, серьезно?

Лилька. Серьезно, Дим.

Вадим. Значит так, Лилька. Вот сейчас, слышишь, буквально сию минуту ты встанешь и пойдешь. Молча. Без стенаний. Без этого овечьего выражения лица. С жесткой верхней губой... Кто так говорит, англичане, что ли?

Лилька. Англичане...

Вадим. Вот и пойдешь – по-английски. Это, кажется, не прощаясь, так ведь? И надеюсь, что я тебя больше никогда...

Лилька наклоняет голову набок, смотрит на него.

Лилька. Дим, тебе худо, да?

Вадим с силой бьет ногой по скамейке, садится, хватается за ногу, Лилька садится рядом, пытается обнять его, он отталкивает ее.

Вадим (*сквозь зубы*). Мне не худо. Мне прекрасно, Лилька. Вернее, мне было прекрасно... Просто спасу нет, как прекрасно мне было...

Лилька. А потом?

Вадим. А потом нарисовалась ты.

Лилька. Ты же знаешь, я всегда нарисовываюсь, когда...

Вадим. Когда что?

Лилька. Когда спасу нет.

Вадим. Ладно, Лиль. Начнем сначала. Что тебе нужно?

Лилька. Посмотреть на тебя.

Вадим. Посмотрела?

Лилька. Еще нет. Смотрю.

Вадим. И как обзор? Впечатляет? Радует? Нет, давай так...

Встает, подбоченясь. Отвешивает Лильке клоунский поклон.

Или так...

Отчебучивает несколько чечеточных па. Запыхавшись, садится.

Раньше надо было. Раньше надо было на меня смотреть, Лилька.

Лилька. У тебя опять бровь стала дергаться. Что-то не так?

Вадим. Да все так, Лиль. Все в порядке. В полном, так сказать, ажуре. Кроме того, что бывают такие люди, Лиль, которые никак, ну никак не могут понять самых простых вещей. Что нельзя вот так, с непонятно какого бодуна, врывать в жизнь постороннего человека. Обрывать телефон в чужих домах. Что нельзя обострять отношения этого вот – заметь, совершенно постороннего – человека с его женой...

Лилька. Как Лариса?

Вадим. Твоими молитвами Лариса. И я... я тоже твоими молитвами. Мир на земле, во человецех благоволенье.

Лилька. Она поняла, что это я звоню?

Вадим. Она? Нет, она не поняла. Ну, скажи, какому нормальному человеку может прийти в голову, что ты сможешь, что ты посмеешь позвонить? Кому, кроме меня?

Лилька. А тебе – почему пришло?

Вадим. Снова ты за свое... Тренируешься? Точишь коготки. Тихой сапой – и в глотку, так ведь? Не до смерти... чтоб еще успел помучиться, да, Лиль? Почему пришло? Да потому, что в свое время я к этой твоей привычке волшебной попривык. Забыла? Это же ноу-хау твое – молчать в трубку. Дышать... Сперва ты с матерью это проделывала, после с Ларисой. Нет, Лилька, ты поразительно однообразна.

Лилька негромко смеется. Вадим хватает ее за плечи, трясет, потом отпускает.

Да что ж это такое со мной сегодня?! Прости, Лиль.

Лилька. Это ты прости.

Вадим (*постепенно снова закипает*). Вот так все просто, да? Элементарно, Ватсон... Покорежить жизнь людям, причем, не по разу – и "прости меня, я так больше не буду"...

Лилька (*пытается улыбнуться*). Прости меня. Я так больше не буду.

Вадим (*задумчиво, изучающе на нее смотрит*). Я вот иногда думаю: ты сволочь или дура? Раньше мне казалось, что дура. Потом – что сволочь. А теперь – что и то, и другое.

Лилька (*хватает его за рукав*). Прости меня, Димка!

Вадим отрывает ее руки.

Вадим. Знаешь что? Я лох в квадрате. Я дважды дурак Советского Союза. Но трижды дураком, лохом в кубе я не буду. Перебор, Лилька. Перебор! Знаешь, Лиль. Вот перед всеми на свете я виноват, только перед тобой – ни на копейку, ни на полушку. Это ты, ты все сломала, ты все вытоптала, Лилька. Не дотаптывай, что осталось, и без того негусто... Прошу тебя, ну хочешь на колени стану, не звони мне больше.

Бухается на колени.

Лилька (*пугается, бросается его поднимать*). Димка, ты что? Не надо! Димочка, пожалуйста! Я не буду звонить, честное слово, не буду! Давай вставать потихоньку... Ну, вот и все. Иди, Димка.

Помогает ему встать. Вадим смотрит на нее. Безнадёжно машет рукой, уходит.

(*кричит ему вслед*). Ты только прости меня! Прости меня, Димка!

Занавес.

Действие второе

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Спустя несколько месяцев. Весна. Квартира Вадима. На диване лежит Наташа, подняв ноги и упершись ими в стену. Она грызет яблоко и читает покет-бук в яркой, режущей глаза обложке. Входит Лариса – холеная, в изящном костюме.

Лариса. Привет, ребенок.

Наташа. А-а-а, мамуль. Халё-халё! Сейчас, минутку, абзац остался...

Лариса. А что читаем?

Подходит, нагибается, смотрит на обложку. Читает.

«Четвертая сторона треугольника». Сандрин Санни... Кошмар. Ташка, и не стыдно тебе на такое деньги выбрасывать?

Наташа несколько секунд читает, потом захлопывает книгу.

Наташа. А я и не выбрасывала. Это папина книжка, я у него на столе взяла.

Лариса. Папина? М-да... Твой папа вообще-то...

Наташа. А что папа?

Лариса. Страннеет твой папа.

Наташа. Ма, не грузись. Папа как папа. И нет такого слова «страннеет».

Лариса (*вздыхнув*). И то правда. Бог с ним, с папой. Рассказывай, как живешь.

Наташа. Ма, ну чего рассказывать, чего рассказывать... Все круто. Все реально круто. Куль вернул диплом, расставил три запятатки во введении... Не, я знала, конечно, что читать он ни в жисть не будет... (*Хихикает*). Ма, ты только не включай свои заморочки психоложные, я тогда тебе скажу...

Лариса (*улыбается*). Не буду.

Наташа. Ой, ужас как в туалет хочу ... Пять сек, ма.

Выбегает. Лариса берет в руку книгу, открывает последнюю страницу, читает вслух.

Лариса. «Так ты все знала?», – рыдая, спросила Натали. «Знала», – улыбнулась Анна и обняла подругу за плечи. «И ты не отказалась от меня», – прошептала Натали. «Как я могла отказаться от тебя? – покачала головой Анна. – Ведь мы всю жизнь были вместе. Помнишь, еще в монастырской школе, в дортуаре...». «Нет, – замотала головой Натали, – кто я и кто ты? Я – серая мышка, а ты необыкновенная. А в этом свадебном платье ты просто королева». «Глупенькая, – сказала Анна. – Без тебя мы с Артуром никогда бы не нашли друг друга. Ты ранимая и гордая, как только что распустившийся нарцисс. И знаешь, – она лукаво улыбнулась сквозь поволоку непролившихся слез. – Так думаю не я одна. Сейчас сюда войдет человек, который готов отдать жизнь за твой единственный взгляд». Натали закрыла лицо руками: «Неужели?» – прошептала она. «Да, – улыбнулась Анна. – Это наш дорогой шафер Боб...». (*Лариса бросает книжку, жалобно*). Бред какой-то...

Входит Наташа с очередным яблоком, кивает на книжку.

Наташа. Просветилась?

Лариса. Ты как хочешь, а у твоего отца явный кризис...

Наташа. Мамуль, не дергайся, о кей? С папкой все нормально. Ну, сама подумай, что с ним может случиться? С нашим старым добрым папкой...

Лариса. Не с таким уж старым, Ташка. И не с таким уж добрым, как выяснилось. Ну да ладно. Так что там с дипломом?

Наташа. А-а-а... *(Вгрызается в яблоко. С набитым ртом)*. Я там, в шереедине написала три ража «Куль – дурак, Куль – дурак, Куль – дурак!»

Лариса. Ты что!

Наташа. Угум *(Догрызает яблоко)*.

Лариса. Нет, ну это... Ташка, это уже вообще ни в какие ворота... А если бы он прочитал? Не жри огрызок, дай сюда.

Наташа *(протягивает Ларисе огрызок)*. Не-а. Не прочитал бы. Он никогда не читает.

Лариса. Ну ладно... А если бы случайно само на этой странице открылось, тогда что?

Наташа *(философски)*. Ну, тогда мне бы не повезло.

Лариса. Нет, все-таки вы какие-то... совершенно инфантильные... Идти на такой риск в самом конце учебы! Ну чего, чего ради?

Наташа. Ма, не парься! Прикольно же! Считай, что я завершила гештальт, о' кей?

Лариса. Ммм... Это не гештальт. Это ложное представление о...

Наташа. Не нуди, а? *(Весело)*. Мамуля, слушай, а как ты смотришь на то, чтобы в проекте стать бабулей?

Лариса *(тоже весело)*. Ну, в проекте неплохо.

Наташа. А если проект будет такой себе... *(Крутит возле живота рукою)* краткосрочный?

Лариса растеряно подносит руку к лицу, разжимает ладонь, из нее выпадает огрызок. Хлопает дверь, входит Вадим.

Вадим. О, все в сборе.

Лариса. Ты даже не представляешь, насколько ты прав. Насчет всех. Реальных и потенциальных.

Поднимает огрызок и уходит в кухню.

Вадим. Что-то случилось?

Наташа. Да нет, па. Все нормально. Просто я поделилась с мамулей одной идейкой, а мамуля, кажется, не пришла в восторг.

Лариса (*входит*). Она беременна.

Вадим. Да ну? (*Весело*). Ну, Ташка, ты даешь!

Лариса. В общем, так. Переселяетесь к нам. Расписываетесь, наконец. И...

Наташа. Не-а! Не переселяемся и не расписываемся... Да не волнуйся ты так, ма, все будет тип-топ. Ладушки, дорогие родаки, мое время истекло, я побежала! Целую страстно!

Уходит.

Вадим (*зло*). Тебе что, трудно было улыбку на лицо нацепить?

Лариса. Трудно.

Вадим. И позволь узнать, по какой же причине?

Лариса. По совокупности.

Выходит в кухню, чем-то там гремит, потом вталкивает в комнату сервировочный столик с ужином, начинает накрывать на стол.

Вадим. Сядь.

Лариса садится. Плечи у нее опущены.

Ты не могла бы хоть на такой вот случай...

Лариса. Я не ожидала.

Вадим. И что с того? Я тоже не ожидал...

Лариса. Тебе совсем неинтересно, что я сейчас чувствую?

Вадим (*вздыхнув*). Ладно. И что же ты чувствуешь?

Лариса. Немножко обиду. Немножко – гнев.

Вадим. На кого обиду? На Ташку обиду? Да ты вообще-то в сознании, Лора?

Лариса (*задумчиво*). Да не на Ташку. Это как будто в нее вся моя жизнь перетекает. Будто у меня берут жизнь и ей переливают...

Вадим. А что, лучше бы ни в кого не перетекала, да? Просто на фиг утекала бы, к едрене фене...

Лариса. Не ругайся.

Вадим. Я не ругаюсь. Я удивляюсь.

Лариса (*зло*). А тогда тебя ничего не удивляло, да?

Вадим. Когда это тогда?

Наташа, никем не замеченная, появляется в дверном проеме.

Лариса. Тогда это тогда. Когда ты связался с этой ...

Вадим. Довольно.

Лариса. ... с этой твоей. Забыл? Так я напомним. Ты – не то, что улыбки, ты лица не потрудился надеть, когда я тебе сказала ...

Вадим. Лор, ну, сколько можно?

Лариса. Всегда. Уж о чем - чем, а об этом мне можно всегда (*Тоскливо*). Я иногда думаю: а не пойдешь ты туда... или уже там бы сказала: «Не надо». Или если бы ты еще раньше сказал: «Не делай этого»

Вадим. Я говорил...

Лариса. Говорил. Конечно же, говорил! Ты много что тогда говорил! Сперва мне говорил, потом ей говорил, потом опять мне... Вот убежала бы сейчас Ташка, а он бы как раз из школы пришел, из девятого класса...

Вадим. Лора, прошу тебя...

Лариса. Ага. Проси-проси! Ты и тогда просил. Сперва – чтоб отпустила, потом – чтобы приняла ...

Вадим (*разводит руками*). Мне нечего сказать.

Лариса. Ладно (*Механически*). Ты сыр купил?

Вадим. Купил.

Лариса. А молоко?

Вадим. Да.

Лариса. Мой руки и садись...

Вадим поворачивается к двери, видит Наташу.

Наташа (*беспомощно*). Я телефон забыла... Родаки, бедные мои, любимые... Ну скажите же мне, Бога ради, почему вы никак не разведетесь?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Вадима. Он сидит за столом, курит. Стук в дверь. Входит Саня.

Саня. Здравствуйте! А я сегодня не опоздала!

Вадим. Нет, сегодня вы молодецом.

Оба садятся в кресла. Видно, что за эти месяцы их отношения стали гораздо менее формальными.

Ну что же, Саня, прочитал я вашу книгу...

Саня. Ой, ужас какой! Уже? И как вам?

Вадим. Ну, в общем и целом очень даже... Особенно линия Анны с Артуром (*Поспешно*). Нет-нет, насчет Натали с Бобом мне тоже понравилось. Эпизод с изумрудами – просто класс.

Саня. Правда? А мне казалось, что тут я как раз не дотянула. Мне с шантажом больше...

Вадим. Ну, с шантажом вообще высший пилотаж. Вы ас, Саня. Горжусь знакомством.

Саня. Вы сейчас это... не шутите? А то, знаете, у меня с юмором не очень. Папа говорил, что я начисто лишена чувства юмора... Это не потому что... Просто он всегда говорил, что думает. Очень четко выражал свои мысли. Он был настоящий писатель, не то, что я.

Вадим. Не знаю. Книг вашего папы я не читал. Но о себе вы зря...

Саня. Принести? У меня все его книжки есть!

Вадим. Попозже. Вот дочитаю вашу вторую, ту, где вы под псевдонимом «Алекс Даймонд»...

Саня. Да-да. Тогда потом, потом... Я вот что... я вам мою любимую принесу «Гроза над Бугом». Там про военный госпиталь. Главный герой – молодой врач, сам после ранения... он борется за быструю поставку

перевязочного материала, а главврач на все смотрит сквозь пальцы, и этот, который молодой, Андрей Громовой его звать, так вот, он на свой страх и риск достает и бинты, и вату... Его сперва хотят наказать, но кончается все хорошо... Да, у него еще враг есть, они влюблены в одну и ту же девушку, фронтовую медсестру Любу...

Вадим (*думает о своем*). Да...

Саня (*внимательно смотрит на него*). Вам неинтересно?

Вадим. Нет, что вы, Саня. Очень интересно. Но почему-то мне кажется, что ваша интереснее.

Саня. Это потому, что вы папину не читали.

Вадим. Теперь мне кажется, что читал. Только, по-моему, она называлась не «Гроза над Бугом», а «В огне войны»... Или, может быть, «Генерал медицины», не помню. Саня, я, когда вашу книжку читал, обратил внимание...

Саня. На что?

Вадим. Вы нигде не опровергаете слух о том, что Анна изменила Артуру.

Саня (*хлопает в ладоши*). Вы заметили!

Вадим. Заметил. И мне любопытно – почему?

Саня. Помните, мы с вами разговаривали... Вы тогда сказали: а откуда, мол, я знаю, что про Анну это все враки? Так вот, я и подумала: ну откуда?

Вадим. Я сказал? Хоть убейте, не помню. Возможно, я о другом чем-то... Кому как не вам знать, враки или нет. Вы же – автор!

Саня. А все равно! Не могу же я быть в курсе на все сто процентов. Потому что есть такие вещи, куда меня не пускают. О чем можно лишь догадываться.

Вадим. Так Артур, выходит, знает?

Саня. Мне кажется, да.

Вадим (*уточняя*). То есть он ее прощает...

Саня. А как же иначе?

Вадим. Ага. А почему?

Саня. Потому что любовь прощает все.

Вадим. Вы уверены?

Саня. Конечно! И потом, если подумать... Артур ведь тоже не сахар, он сам должен понимать! Артур по натуре такой... слегка бука... на все пуговицы застегнут. И Анне с ним, должно быть, нелегко. Он же только к финалу худо-бедно обучается слова говорить...

Вадим. По-моему, он говорит. Вовсю! Он все время у вас там что-то говорит.

Саня. Я имею в виду – о любви.

Вадим (*улыбается*). А без слов что, никак?

Саня. Да как же без слов?.. Хотя, может, это только я такой человек... словесный. Но, с другой стороны, они все – и Анна, и Натали, и даже Лора – это тоже в чем-то я... Так что, выходит, им тоже никак.

Вадим. Но насколько я помню, там было что-то (*крутит рукой*) в этом роде, гмм, типа признания, в самом начале...

Саня. Вам кажется, этого достаточно? Это потому что вы мужчина. Мужчина он как. Он думает: я один раз сказал – и хватит. Полюбил – сказал, разлюблю – тоже скажу. А раз пока что молчу, значит, люблю еще. А женщина... Она сто раз на дню мучается... а не разлюбил ли он меня за последние полчаса? Потому что за полчаса она и села некрасиво, и улыбнулась криво, и сказала невпопад, и тушь у нее размазалась...

Вадим. Гм... Вы с таким знанием дела говорите.

Саня молчит.

Что-то было такое, да?

Саня. Что-то такое.

Вадим. Тоже не говорил?

Саня. Говорил.

Вадим. А что случилось?

Саня. Неважно.

Вадим. Мне важно.

Саня. Ничего особенного. Просто... Сплошное не то.

Вадим. Вы говорите о нем в среднем роде...

Саня. Это я о себе говорю в среднем роде.

Вадим. Почему?

Саня. А в каком еще?

Вадим. Саня! Саня!!! Саня, вы не пугайтесь, но... *(Взрывается)*. Ну, нельзя же так! Вы меня иногда просто бесите! Почему вы себя все время гнобите? Зачем?

Саня *(глядя в сторону, напряженно)*. Спасибо.

Вадим *(переводя дыхание)*. За что?

Саня. За то, что вам меня жалко.

Вадим. Мне вас не жалко! Черт! Ладно! Мне вас жалко. И что? Это вас оскорбляет?

Саня. Меня это трогает.

Вадим *(устало)*. Не пойму: то ли вы меня идеализируете, то ли обесцениваете...

Саня *(успокаивающе)*. Ну что вы! Конечно же, идеализирую. Я всех идеализирую! *(Испуганно)*. А что, это плохо? Но ведь это же лучше, чем то, второе... У вас такие слова бывают трудные, научные.

Молчат.

Ну, хорошо-хорошо. Не злитесь! Я расскажу. Сейчас. Вот прямо сейчас и... Папа ему сказал: чтобы я тебя здесь не видел. А не то пеняй на себя: в бараний рог согну.

Вадим. А он?

Саня. А что он? Взял и ушел.

Вадим. Почему?

Саня. Не хотел в бараний рог. Его можно понять. Папа был председатель союза писателей...

Вадим. А вы?

Саня. А я побежала. За ним. В тапках. Глупо. Они все слетали, слетали...

Вадим. Не догнали?

Саня. Догнала.

Вадим. И что?

Саня. Ничего. Я же говорю, глупо.

Вадим (*сцепляет руки, смотрит перед собой*). А дальше?

Саня. А дальше я сидела в подъезде. Не в нашем – так, в чьем-то. А потом папа меня нашел. С милицией. Я плохо помню, потому что болела долго.

Вадим. Сколько вам было?

Саня. Девятнадцать.

Молчат.

Вадим. А с ним... с ним что стало?

Саня. Да ничего особенного. (*Пожимает плечами*). Они с папой две книжки написали. В соавторстве. Дома у нас писали. Я им чай приносила.

Вадим. В соавторстве, значит? М-да... Если позволите... Ваш папа... Он вас любил... гм... как-то немножко странно.

Саня. С чего вы взяли?

Вадим. Что странно?

Саня (*тихо, спокойно*). Что он меня любил. Папа меня никогда не любил. (*Внезапно отчаянно кричит*). И я его не любила! Я его ненавидела! Я его ненавижу! Он подох, подох, подох!

Саня встает и внезапно падает.

Вадим (*бросается к ней, тормошит*). Саня!

Щупает ей пульс, кидается к двери, открывает, кричит.

Скорее! Носилки! Здесь человеку плохо!

Садится на пол, берет ее за руку, ждет. Входят санитары с носилками, уносят на них Саню. Вадим один, ходит по комнате, курит, прижимается лицом к стеклу. Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Все тот же кабинет. Продолжение предыдущей сцены. Звонит телефон. Вадим смотрит на него со страхом, потом все же подходит.

Вадим. Да! Да, я *(С волнением)*. Что? Ф-фу!

Обессиленно садится, вытирает лоб.

Ну, слава Бо... Что? Спасибо. Да-да, вы уж прокапайте ее, пожалуйста, да, буду очень признателен... Я сейчас зайду, прямо сейчас. Через пять минут. Вы скажите ей: я через пять ми...

Дверь с грохотом раскрывается. Двое массивных мужчин с шумом втаскивают в кабинет деревянные ящики.

Что это?

Первый грузчик. Набор.

Вадим. Какой набор?

Первый грузчик. Офисный.

Второй грузчик. Для руководителя.

Вадим. Для какого руководителя?

Первый грузчик. А хрен его знает... Для вас, наверно.

Второй грузчик *(тычет Вадиму в лицо бумажку)*. Вот. Набор офисный для руководителя.

Вадим. А-а-а, это он так называется.

Первый грузчик. Так и я про что...

Вадим. Наверно, вы перепутали кабинет.

Второй грузчик. Ваш старшой сказал, в третий несутя. Это что ли – не третий?

Вадим *(угрюмо)*. Третий. Но все равно не ко мне.

Входит Иван Петрович.

Иван Петрович. К тебе, к тебе, голуба. Да-да. К кому же еще? К тебе – младшему товарищу, к бессменному соавтору...

Первый грузчик. Так я не понял, нам чего, дальше вносить или что?

Иван Петрович. Вносите, вноси...

Вадим (*твердо*). Это не ко мне. (*Ивану Петровичу*) Это ВСЕ не ко мне, Иван Петрович. (*Грузчикам*). Уберите, пожалуйста.

Грузчики, переговариваясь мрачными междометиями, выволакивают мебель.

Иван Петрович. Да-да. Понял. Значит, мы пойдем другим путем... Да-да. Ничего-ничего. Хозяин – барин, как говорится... Была бы, как говорится, честь...

Вадим. Извините. Ко мне вот-вот пациент придет. Я должен подготовиться.

Садится за стол, утыкается в компьютер, щелкает клавишами.

Иван Петрович. Да-да. Да-да. Понял.

Идет к выходу, от порога поворачивается, Вадим не реагирует. Иван Петрович машет рукой.

Иван Петрович. И так далее...

Выходит. Вадим рывком вынимает мобильник, набирает номер.

Вадим. Серега, слушай. Тут такое дело... Саня... да ничего такого, вдруг отчего-то нехорошо стало... Ничего страш... Серё... эй... (*Из трубки доносится неразборчивый гул*). Вот что. Заткнись и слушай: я ей не нянька, понял? Я врач. Я пытаюсь ее лечить, и у меня, кажется, стало получаться... Знаешь что? А пошел ты в пень! Не тебе судить... как получается – так получается. Если бы ты не вылетел из института, мне не пришлось бы сейчас талдычить, что с каждым по-разному получается... А она плюс ко всему такая хрупкая. Что? Вот-вот, именно так, необыкновенная... Мгм... Так что давай-ка руки в ноги и... Приедешь – позвони, я спущусь, тебя проведу.

Некоторое время сидит за столом молча, смотрит перед собой, потом взглядывает на часы, вскакивает, открывает шкаф, срывает с вешалки халат, накидывает его, быстро идет к двери. Останавливается, снова вынимает мобильник, набирает номер.

(*Спокойно*). Ма, это я. Да, я помню, что пятница. Потому и звоню... Ты меня прости, но сегодня не выйдет... Что? Котлеты? Да, жалко... Что ж, придется потерпеть до завтра, ма. И им, и мне. Все, мам, тороплюсь, извини. Друг заболел. Нет, ты не знаешь. Пока. Я люблю тебя, мама.

Подумав, набирает еще один номер.

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Скамейка. На скамейке Вадим, ждет. Недалеко – то появляясь, то исчезая – кружит Подвыпивший гражданин.

Входит Лилька.

(Примечание: в этой картине оба должны быть красивы).

Лилька. Привет, Дим.

Вадим. Привет, Лилька.

Молчат, смотрят друг на друга.

Может, посидим где-нибудь?

Лилька. Где?

Вадим. Ну, не знаю, в ресторане...

Лилька. Не надо.

Вадим. Ты раньше любила...

Лилька. Разлюбила.

Вадим (*неопределенно*). Да, все меняется...

Молчат.

Лилька. Ты хотел что-то?..

Вадим. А что, ты спешишь?

Лилька. Куда мне спешить, Дим?

Вадим. Ну, не знаю. Домой. В гости.

Лилька. В гости я теперь мало хожу. А домой мне не к кому. Ты ведь это хотел узнать?

Вадим. Нет... Ну, допустим, да... А родители?

Лилька. Их нет. Ты только... только молчи ... не надо ничего, ладно?

Вадим. Не буду.

Лилька. А твоя мама?..

Вадим. Старееет.

Лилька. Хорошо.

Вадим. Что стареет?

Лилька. Что живет.

Вадим. Она иногда о тебе вспоминает.

Лилька. Ну да?

Вадим. Правда.

Лилька. Незлым тихим словом?

Вадим. Тихим она не умеет. Но, пожалуй, что незлым...

Лилька. Удивительное рядом... Отсюда неминуемо следует...

Вадим. И что же отсюда следует? Неминуемо?

Лилька. ... вопрос: кто побеждает в боях – мама или Лариса?

Вадим. С переменным успехом.

Лилька. Дима... Дома нехорошо?

Вадим. Да при чем тут дом, Лилька. Нормально дома. Как всегда. Ведь как всегда – это же и есть нормально, правда?

(Весь этот разговор идет негромко, герои не отрывают друг от друга глаз, так что главное напряжение – не в разговоре, а в подтексте).

Лилька (*смеется*). А помнишь, как твоя мама меня ненавидела?

Вадим. Да уж! Это она умела. Да и ты это умела – сделать так, чтобы тебя возненавидели. Тебя ненавидело три четверти населения планеты Земля.

Лилька. А оставшаяся четверть?

Вадим (*глухо*). А оставшаяся... Оставшаяся жить без тебя не могла.

Лилька. Димочка, что-то случилось, да?

Вадим (*тоскливо*). Да нет, ничего. Просто... Это будто запустился какой-то калькулятор. Или счеты. Помнишь, в первом классе, у учительницы. Большие, с костяными блямбами ... Я, дурак, думал, это я подсчет веду. Тут сложилось, тут нет. Здесь все нормально, здесь дотянуть надо, а здесь уже не успею дотянуть... А это она меня считает. Жизнь. (*Смеется невесело*). Словом, как положено. Кризис середины жизни... Хотя какая, к черту, середина? Сластим, сластим эту пилюлю. А как иначе скажешь? Кризис последней трети жизни? Не звучит...

Замолкает.

Лилька (*несмело, бегло касается его руки*). Ты говори-говори.

Вадим. Это твоя вотчина. Говорение.

Лилька. Было такое.

Вадим. Лилька-трещотка.

Лилька. Демид-молчун.

Входит подвыпивший гражданин.

Подвыпивший гражданин. Слушай, родной...

Вадим. Что такое?

Подвыпивший гражданин. Дай три тыщи, бжалста...

Вадим (*вынимает бумажник, отсчитывает деньги*). Держи.

Подвыпивший гражданин. Пасиб.

Удаляется пошатываясь.

Вадим. Через пару месяцев я буду дедом.

Лилька. Хорошо. Но и больновато, да?

Вадим. Самую малость (*Набравшись духу*). Так вот, в порядке подсчета. В порядке подсчета всякое в голову лезет, неотвеченное ... Лилька, теперь-то уж ты можешь сказать, зачем ты тогда все это... устроила?

Лилька (*криво улыбаясь*). Когда именно, Дим? Я ведь дважды это... как ты выразился... устраивала... Помнишь, ты сказал «дважды лох Советского Союза». Удачная шутка вышла. Каламбурчик.

Вадим. Каламбурчик. Ёлы-палы... (*Замолкает, смотрит на нее*).
Зачем, Лилька?

Лилька. Не помню.

Вадим. Врешь. Все ты помнишь.

Лилька. Вру. Все я помню.

Вадим. Я тебя тогда искал. В первый раз.

Лилька. Я знаю.

Вадим. А потом Серега сказал, дурак, не сходи с ума, она замуж
ВЫХОДИТ ...

Лилька. Серега... Да, был такой Серега. Как он, кстати?

Вадим. Ничего. Как говорится, успешный человек. Был, во всяком случае. А потом...

Лилька. Что?

Вадим. Потом влюбился. Кажется...

Лилька. И что же, стал неуспешным?

Вадим. Стал человеком.

Лилька. Хорошая?

Вадим. Кто?

Лилька. Его женщина.

Вадим. Очень. Только она – не его женщина.

Лилька. Чья-то?

Вадим. Вообще ничья. В том-то и проблема. Совершенно ничья женщина. Но я о другом хотел, Лилька

Лилька. А о другом не надо бы, Димочка. Какое уж тут «другое»... Давно и неправда. Амнистируй меня, если можешь. А не можешь – забудь. В любом случае забудь. Видишь, я не звоню больше. Давши слово – крепись...

Вадим. Забудь... *(Взрывается)*. Я не живу, Лиль ... Я может, вообще не жил, кроме двух этих... зигзагов. Первый. И второй. И оба твои, Лилька.

Вскакивает, отходит, отворачивается. Лилька подходит сзади, обнимает его, вжимается в его спину лицом. Он не поворачивается, никак не откликается. Какое-то время стоят так, потом Лилька опускает руки. Садится на скамейку. Вадим подходит к скамейке, садится рядом, смотрит ей в лицо.

Я мало на что имею право, Лиль. Но на это-то имею?

Лилька. На что?

Вадим. Понять.

Лилька. Но, Дим... все же понятно.

Вадим *(зло)*. Завидую. А вот мне ни черта не понятно. Ну что, что тогда случилось? Цветов не дарил? По кабакам не водил? Танцевать не умел? Слов не говорил? Зануда, заучка. Как Ташка моя называет: «Ботан». «Ты, па, ботаном был, ботаном и останешься»...

Лилька. Да Бог с тобою, Дим. И никакой не зануда, и никакой не ботан. Глупости все это...

Вадим. Что же тогда?

Лилька. Просто это было (*подбирает слова*)... как будто... будто я живу под стеной.

Вадим. Под какой стеной?

Лилька. Под высокой. Каменной... Вот так, представляешь: речушка, ров, а дальше мой дом. Маленький такой, хлипкий. И прямо над ним стена. А за ней, на горе – город. Она его вот так весь обхватывает, понимаешь? Может быть, я в нем жила когда-то, в детстве, потому что, кажется, что-то помню... Музыку, голоса, праздник... И еще ко мне, в этот вот домишко, доносится звон. Колокольный. И люди иногда из ворот выходят, веселые, красивые, и кто-то входит...

Входит подвыпивший гражданин.

Подвыпивший гражданин. Слышь, родной...

Вадим. Что?

Подвыпивший гражданин. Извиняй, если некстати, если насчет того, что в семейный разговор влажу...

Вадим. Влазишь.

Лилька. Ничего страшного. Мы можем вам чем-то помочь?

Подвыпивший гражданин. Я... это... поговорить хотел.

Лилька. О чем?

Подвыпивший гражданин. Я сегодня из мест вышел...

Лилька. Из каких мест?

Подвыпивший гражданин. А туючки сидел, на Володарке. Поговорить охота!

Вадим (*отводит подвыпившего гражданина в сторону*). Тебе деньги нужны?

Подвыпивший гражданин. Спрашиваешь!

Вадим. На! И будь человеком, оставь нас, ладно?

Подвыпивший гражданин. Слышь, ты того-этого... Не бидься.

Вадим. Что?

Подвыпивший гражданин. Я хотел сказать, не обижайся... Если я что-нить тут, это, так сказать, пмешал...

Вадим. Ничего. Ты только иди, иди...

Подвыпивший гражданин. Поэт! Жена ждет? Хорошая женщина!
Душевная.

Вадим. Хорошая-хорошая.

Возвращается к Лильке.

Вадим. Ну, ладно, Лиль... Продолжим. Значит, город.

Лилька. Да, город.

Вадим. И что же с ним, с этим городом?

Лилька. Ничего. Просто меня туда не пускают.

Вадим. Почему?

Лилька. Тогда я думала, что меня выселили за какую-то провинность. Потом, что тебе просто никто не нужен. А сейчас... сейчас я ничего уже не думаю. Слишком долго думала... надоело.

Вадим (*в ярости*). Выселили, значит? За провинность? И ты спокойненько себе жила-жила... как сейчас выяснилось, за стеной, да? А потом за день собрала манатки и усвистала в Питер к этому... как его... Гоше? Мише? Или это второй был Миша?

Лилька (*резко*). Думай, как хочешь.

Встает, чтобы уйти. Вадим пытается ее удержать. Появляется подвыпивший гражданин.

Вадим. Да, так как же со вторым? Тоже за стеной? Не ври! Я тогда все, что мог... рвался между всеми, в больницу загремел с язвой, дома все поломал, спасибо, не до конца... а в итоге – опять двадцать пять. Только не в Питер уже. Уже в Москву. Хобби у тебя такое, что ли? В каждом городе отметиться?

Лилька. Пусти!

Подвыпивший гражданин (*приближаясь неровными шагами*). Эй, эй, друг! Ты... это... женщину не это... Нельзя женщину... того... Она ж слабая, как глиста!

Вадим. Тебя не спросили!

Подвыпивший гражданин. Не, ты не бидься, родной... Я же пнимаю, хочется иногда дать в рыло, а нельзя... Слабая потому что...

Пытается оттащить Вадима от Лильки. Вадим сопротивляется. Лилька пытается удержать Вадима. Все это выглядит слегка карикатурно, как в сказке «Репка».

Лилька (*запыхавшись*). Спасибо вам! Но вы не поняли. Он меня не обижал! Правда! Мы просто так... беседовали.

Подвыпивший гражданин. Не обижал? Ну, тогда лады... Он пше-то хороший мжжик... Мой друг! (*Стучит в грудь себя, затем Вадима*). Но если что... Я тут буду... неподлёку на случай.

Уходит.

Вадим. Дурь какая-то. Знаешь, я уж и подзабыл, что каждый второй алкоголик видит в тебе родственную душу.

Лилька. Почему обязательно алкоголик? Просто несчастный человек. И потом, это он, похоже, в тебе видит родственную душу.

Снова садятся на скамейку.

Вадим. Ну ладно, Лиль. Что-то я... одичал. (*Принужденно улыбается*). Разучился цивилизно себя вести. Устаю и вообще. Прости.

Лилька (*горячо*). Димочка, ну не знаю я, зачем все это, зачем весь этот разговор! Ну да, тогда, во второй раз... Ты помнишь, как мы тогда столкнулись, в начале нашего второго...?

Вадим. У парка.

Лилька. Да.

Вадим. Я тебя сразу узнал.

Лилька. А я тебя – нет. Ты весь такой нацеленный летел куда-то, устремленный... Бумаги в папке... Морщина на лбу. Серьезный такой. Такой себе доктор.

Вадим. И все разлетелось.

Лилька. Да.

Вадим. Я не про бумаги, Лилька. Странное дело, я когда вспоминал, потом уже, все казалось каким-то безразмерным... А длилось сколько? Месяца два от силы.

Лилька. Месяц и восемнадцать дней.

Вадим (*берет ее за руку*). Что случилось тогда, Лилечка?

Лилька (*зажмурясь, выдыхает*). Я струсила.

Вадим. Чего?

Лилька. Что мы добьем тебя... Ухайдокаем. Совокупными усилиями. Мама, я, Лариса. Язва. Все эти звонки ночные, все это объяснялово... С ними, со мной. И еще Наташка. И тот, другой ребенок.

Вадим. Того, другого не было.

Лилька. Значит, хорошо, что я у тебя не спросила.

Вадим. Хорошо.

Лилька. Я тогда думала: надо, чтоб меня не стало, и ты выдержишь.

Вадим. Каменная стена, да?

Лилька. Что-то в этом роде. (*Улыбается нежно*). Помнишь, как в юности... мы с тобой когда в кино сидели или в театре... Я смотрю, и мне до того всех жалко... я плачу-плачу, а тебе за меня неловко. И как шли потом домой: я к каждому дереву кидаюсь, обнимаю его и опять реву-реву, а ты в стороночке... нет уж, увольте, товарищи, уж к этой я никакого отношения...

Вадим. Я не мог говорить тогда. Меня просто плавило. Сердце растекалось. От тебя.

Лилька. Правда?

Вадим. Правда.

Молчат. Потом оба говорят, скорее, себе, чем друг другу, задумчиво, отстраненно.

Лилька. Я вообще трусиха. Слабачка. Что же ты думаешь? У меня ведь тоже свой подсчет. Только неровный, рывками. Меня мозжит, понимаешь? Начинает мозжить – и пиши пропало. Ноль управления. Все в тартарары! Говорю же – слабачка. Пришла тогда с работы, взяла трубку и по

памяти... Память, это страшное дело, все хранит: номер, адрес, даты. Я думала просто голос услышать. Раз, два набрала, три, а все время Лариса... Ты прости. Я просто голос хотела услышать... А потом, когда услышала, увидеть тебя захотела.

Вадим. И вот еще, насчет стены. Каменной. Лиль, я, когда отец ушел, плакал. Потом, когда Ташка родилась. Переволновался сильно. А еще... еще о тебе, Лилька. И в первый раз. И во второй. И тогда, осенью, помнишь, когда орал на тебя. И вчера.

Встает. Лилька встает тоже. Смотрят друг на друга. Внезапно, рывком обнимаются.

Лилька (*пытаясь улыбнуться*). Ну что – опять навсегда?

Вадим. Опять навсегда.

Появляется подвыпивший гражданин.

Подвыпивший гражданин. Ой, прошу прощения (*отходит в сторонку*).

Вадим. Лиль, извини, только одно еще... Последнее. Зачем же ты каждый раз...

Лилька. ...уходила к кому-то?

Вадим. Да.

Лилька. Я ж говорю, трусиха. Боялась.

Вадим. Чего?

Лилька. Что иначе буду возвращаться и возвращаться к тебе, Димка.

Быстро уходит.

Подвыпивший гражданин. Не жена, выходит?

Вадим. Твоя правда. Не жена.

Подвыпивший гражданин. Хоршо, что не жена.

Вадим. Почему?

Подвыпивший гражданин. Потому что жена – это своя жена, а не своя – это не своя жена, а чужая баба.

Вадим. Точно.

Подвыпивший гражданин. Постой, родной... Я тебе сейчас отчет давать буду...

Вадим. Какой отчет?

Подвыпивший гражданин. По матценностям.

Вадим. О чем ты?

Подвыпивший гражданин. На то, что ты сперва дал, я это купил (*Вытаскивает церковную свечу*). А на то, что после, – это (*Вытаскивает пачку сока*). Томатный. Грят, от туберкулеза хорошо... Да ты не бойсь, у меня закрытый. Незаразный...

Вадим (*механически*). На здоровье тебе. А свечка зачем?

Подвыпивший гражданин. Да пнимашь, пока сидел, Светка моя... этого. В смысле – с концами.

Вадим. Ушла?

Подвыпивший гражданин. Если бы б... Померла. Совсем померла моя Светка.

Вадим (*поворачивается к подвыпившему гражданину*). Жена?

Подвыпивший гражданин. Да нет, не жена. Жена в норме. Что ей сделается, жене? Светка – это так была. Для радости.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет Вадима. В кресле сидит Саня. На ней летнее, девчачье платье, и выглядит она юной. Дверь полуоткрыта. Входит Лариса в элегантном брючном костюме, раздраженная.

Саня (*радостно*). Добрый день!

Лариса. Добрый. А Вадим Илларионович...

Саня. Он скоро будет. У них там кафедра задержалась. Он мне открыл, велел подождать и убежал...

Пауза.

Извините, что пристаю, но вы так интересно сказали!

Лариса. Позвольте...

Саня. Да, конечно, все, что угодно!

Лариса. Я имею в виду, позвольте поинтересоваться, что же такого я сказала?

Саня. А-а-а! Простите! Я иногда... как это... торможусь немножко.

Лариса. Торможу.

Саня (*повторяет, пытаясь запомнить*). Торможу... Торможу... Так вот. Я вам сказала «Добрый день», а вы мне ответили: «Добрый».

Лариса. И что же здесь интересного?

Саня. Да что вы! Это очень интересно! Я давно хотела узнать... вот, думаю, у вас и спрошу. Вы здоровались со мной тогда или соглашались?

Лариса. То есть?

Саня. Ну, я вам «добрый день», а вы мне «добрый».

Лариса. Я усвоила...

Саня. Это вы со мной так поздоровались или просто согласились, что он добрый? В смысле, день.

Лариса. Ну, наверно, поздоровалась.

Саня. Жалко!

Лариса. Почему?

Саня. Потому что он, и правда, добрый!

Лариса. Кто?

Саня. Да день же!

Лариса. Понятно. Я, пожалуй, в коридоре подожду.

Саня. Что вы!

Вскакивает.

Я вас не отпущу! Здесь гораздо уютнее. Вы присаживайтесь, присаживайтесь.

Тянет Ларису за руку в кресло. Лариса запинаясь об угол ковра, чуть не падает, Саня ее поддерживает. Наконец совместными усилиями Лариса водружена в кресло.

Вы, может быть, чаю хотите? Тут есть чайник, в шкафу. Вадим Илларионович его от охраны прячет... Черный, зеленый? А может, кофе? Нескафе? Я сегодня язычки принесла. С сахаром. Помните, были когда-то в школьных буфетах? Продавщица сказала: свежие. Вадим Илларионович любит сладкое.

Лариса. Да неужели?

Саня (*ликующе*). Да! Он сам сказал! Хотите? Вы не бойтесь, тут много, ему хватит!

Лариса. Спасибо, не надо.

Саня. Жалко. Мне так хотелось вас угостить.

Лариса. И часто вы здесь чай распиваете?

Саня. Не очень. Правду сказать, только один раз. Когда я тут в обморок грохнулась, представляете, стыд-позор... Мне тогда капельницу ставили, а потом он меня чаем угощал и сахару туда навалил сто килограммов. То ли из-за глюкозы, как доктор, то ли от сочувствия. Как человек.

Лариса (*иронически*). Да уж, с сочувствием у него, судя по всему, хорошо...

Саня. Вы даже не представляете как!

Лариса. Где уж мне.

Саня встает, подходит к Ларисе, садится на ручку ее кресла, берет ее за руку. Лариса отстраняется.

Саня. Пожалуйста, не волнуйтесь так. Да что ж это я говорю? Сначала все волнуются. Я, когда первый раз, знаете, как волновалась? Даже упала. Нет, тогда не в обморок. Просто упала. Тут ковер цеплючий...

Лариса. Я, собственно, не в первый раз. Я вообще не...

Саня. Ох! Тогда вам, должно быть, еще тяжелее. Если вы от врача к врачу... Но он поможет, это точно!

Лариса (*иронически, но в то же время с некоторой несвойственной ей неуверенностью*). Да уж!..

Саня (*горячо*). Не надо!

Лариса. Что не надо?

Саня. Прошу вас! Не надо так безнадежно! Понимаете, люди так устроены, что у них в голове разные сложные вещи складываются. Всякие там ретрофлексии... Проективные идентификации. Вот он, к примеру, придет, а вы по нему своей безнадежностью и шандарахнете...

Лариса (*скрывая улыбку*). И что же?

Саня. Плохо. Он ведь живой человек. Я иногда думаю, как он нас всех терпит? Черноту нашу... Это, знаете ли, распространяется! Он может от вас заразиться. И все насмарку: и вас не вылечит, и сам... Вы тогда будете его врачебная ошибка, и он вас запомнит на всю жизнь. Потому что он совестливый...

Лариса. Так вы за меня беспокоитесь или за него?

Саня (*глядя в пол*). За обоих. Может быть, за него немножко больше, потому что его я давно знаю. Но нет, наверно, все же за вас...

Лариса. Почему это?

Саня. Мне вас жалко.

Лариса (*величаво*). **Вам** меня жалко?

Саня. Очень!

Лариса. Решительно никаких оснований.

Саня. Да что вы! Полным-полно оснований! Я же вижу!

Лариса. И что же такого страшного вы видите?

Саня. Страшного ничего. Все обычное.

Лариса. Ну, довольно! (*Встает*).

Саня (*спокойно, без экзальтации*). Вы не обижайтесь. У всех все обычное. Только у одних лучше, у других – хуже. А у некоторых совсем никуда. Вот знаете, я когда отсюда иду, часто плачу. Тут, в кабинете не плачу, стараюсь его не огорчать...

Лариса (*опять садится. Твердо*). Надо плакать. Я вам это говорю как специ...

Саня. Как кто?

Лариса. Ммм... Как женщина женщине.

Саня. Да, знаю я, знаю, тут у него платков бумажных на полк солдат... а ведь солдаты тоже, наверно, плачут. По маме... Они же маленькие еще, солдаты... Так вот, здесь я держусь, а когда отсюда иду, тогда, бывает, расквашиваюсь. Как яйцо всмятку, если его в руке сжимать, представляете?

Лариса. Да.

Саня. А навстречу люди. В таких байковых штанах пижамных. Цветастых. Зимой сверху ватники, а сейчас – майки. Но зимой им все равно холодно. А сейчас – все равно жарко. И они, эти люди, все время что-то тащат. Волокнут. Чаны какие-то с едой, потому что пахнет оттуда. Капустой. Или ковер свернутый. Или еще что. Кабель на такой вот здоровущей катушке. И они...

Лариса. Что?

Саня. Они на меня смотрят.

Лариса. И что же?

Саня. Понимаете, у них лица. У них такие глаза – словно не наружу, а внутрь. И там, внутри, столько... Не умею сказать... Боль, о которой они не знают. Привыкли. Забыли. Они – это она и есть. Тихая такая боль. Себе самой незнакомая. Я выхожу, а они остаются, понимаете?

Лариса. К чему вы это?..

Саня (*медленно, задумчиво*). Я теперь перед тем, как уйти, долго сижу – там такой закуток есть, в конце коридора. А потом лицо мою в туалете. И сушу под сушилкой. Потому что мне ведь мимо них проходить надо.

Лариса (*задумчиво*). Да.

Саня. У вас вот дети есть?

Лариса. Дочь.

Саня. А как ее зовут?

Лариса. Наташа.

Саня. Хорошее имя. И Вадиму Илларионовичу нравится, я точно знаю. У меня тоже есть Наташа. Натали... Нет, не дочь. Так просто... знакомая. А дочери у меня нет. И сына тоже.

Лариса. У меня скоро и внук будет.

Саня. Вот видите! Значит, у вас со мною примерно так же, как у меня с этими людьми. В соотношении. Вы поняли, да? Я о том, что у вас много чего есть. И у меня, хоть и меньше, но тоже много. И у них, у тех людей, может

быть, тоже больше, чем... ну я не знаю, но кто-то же должен быть, кому еще хуже...

Лариса. Нерожденные.

Саня. Вот. Нерожденные. До чего же хорошо вы сказали! Я бы записала, но это так больно, правда?

Лариса. Да.

Саня. Я не могу такое писать.

Лариса. Почему?

Саня. Потому что я – лакировщик действительности.

Лариса. Что ж, хорошее дело.

Саня. Вы, правда, так думаете?

Лариса. Уверена. Думаю, действительности бы не помешал кто-нибудь, кто бы ее подлакировал. Хоть чуть-чуть...

Саня. Знаете, вы удивительный человек. У меня даже с Вадимом Илларионовичем понимание не сразу возникло, а с вами – просто мгновенно! Поэтому я вам еще одну вещь скажу. Только это уже совсем секрет...

Лариса. Да.

Саня. Вы когда с ним говорить будете...

Лариса. Да...

Саня. Я вас очень прошу... вы побережней, ладно? А если у вас с ним не получится – тогда лучше просто уйдите. Поищите кого-то другого. Их много сейчас развелось, специалистов.

Лариса (*севшим голосом*). Почему вы мне это говорите?

Саня. Потому что... Потому что у него тоже такие глаза бывают. Которые внутрь.

Лариса вскакивает, машинально прижимает руку к горлу. Быстро идет к двери. Оборачивается, смотрит на Саню.

Лариса. Вас как зовут?

Саня. Саней. А вас?

Лариса. Лорой.

Саня. У меня есть одна Лора. Но вы гораздо, гораздо лучше!

Лариса выходит.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тот же кабинет, тот же день. Саня сидит в кресле. На ее коленях – полиэтиленовый пакет с язычками. Входит Вадим. Саня вскакивает, пакет падает с колен, язычки рассыпаются.

Саня. Ох!

Нагибается подобрать язычки, Вадим помогает. Потом садятся в кресла.

Жалко. Теперь – только выкинуть.

Вадим. Почему это? Я съем.

Ест.

Саня (*заботливо*). Ну вот, теперь подхватите какой-нибудь дисбактериоз.

Вадим. Ничего я не подхвачу, Саня. (*Смотрит на нее*). Какая-то вы сегодня...

Саня. Какая?

Вадим. Загадочная.

Саня. Это потому что день добрый.

Вадим. И чем же он такой уж добрый?

Саня. Всем. Во-первых, я с одной женщиной сегодня разговорилась. С настоящей! С живой...

Вадим. Да? И что же она вам сказала?

Саня. Она меня поняла... И вообще.

Вадим. Что?

Саня. Вообще все хорошо.

Вадим. Я рад.

Саня. Вы знаете, я тоже рада. Очень-очень! Спасибо вам.

Вадим. Как-то вы торжественно это говорите, Саня.

Саня. Правда? Я не знала. Я думала, я не умею... торжественно.

Замолкает.

Вадим. А во-вторых?

Саня. А во-вторых... Во-вторых, тоже спасибо.

Вадим. За что на этот раз?

Саня. Я больше не падаю.

Вадим. Я заметил.

Саня. И я вчера в кино была! С Сергей Павловичем.

Вадим. Интересно?

Саня. Не-а. Там летает всякое по экрану. Я устала очень. Давно в кино не была.

Вадим. Да, это достижение.

Саня. Шутите?

Вадим. Что вы!

Саня. А то у меня с чувством юмора...

Вадим. Нормально у вас с чувством юмора.

Саня. Спасибо.

Вадим. Саня, мы же договорились: никаких «спасибо» и «извините»...

А сегодня вы что-то заспасибкали...

Саня молчит.

Вадим. Что?

Саня молчит.

Вадим (*начиная понимать*). Вы хотите сказать, что...

Саня. Доктор...

Вадим. Я так понял, что уже не доктор, да, Саня?

Саня. Да.

Вадим. Могу ли я узнать, почему?

Саня. Я больше не падаю.

Вадим. Это только часть. У вас хватает других проблем...

Саня. А у вас – нет?

Вадим. Ну, у любого человека...

Саня (*твердо*). Я не знаю «любого человека». Может, ему очень даже плохо, «любому человеку». Может, ему совсем никуда. Но я же не могу знать, кто он, этот «любой». А вас я знаю. Немножко.

Вадим. Ну да, у меня тоже есть проблемы. Как у каждого...

Саня (*упрямо*). «Каждого» я тоже не знаю.

Вадим. Саня, ну о чем вы, скажите на милость? Да, не всегда все складывается, как мы хотим...

Саня. Вот видите. У вас проблемы. У всех проблемы. И у меня тоже. Как у всех. А значит – никаких проблем.

Вадим. А почему это вы кривитесь?

Саня. Разве? Я не нарочно. Может, из-за слова... Я же человек... словесный.

Вадим. Какого слова?

Саня. «Проблемы». Проблемы – это когда холодильник сломался, а денег нет. Это с вещами проблемы. А с людьми – беды.

Вадим. Ну, хорошо. Ну, допустим, беды. Но почему вы хотите и дальше в них... бултыхаться?

Саня. А вы – почему?

Вадим. Знаете, Саня. У женщин есть колоссальное преимущество: они имеют право просить о помощи.

Саня. Я бы очень хотела помочь вам. Но я не знаю, как.

Молчат.

Саня (*вздыхает*). Мне проще.

Вадим. Почему?

Саня. Я ведь всегда могу переписать страницу.

Вадим. Но как это связано с вашим желанием, то есть с вашим нежеланием, тьфу ты... Ладно! Почему так внезапно?

Саня. Я больше не падаю.

Вадим (*раздраженно*). Да что вы, ей-Богу! Заладили: не падаю, не падаю! Ни черта не слышите, словно тетерев. Твердите, как попугай. В чем дело, Саня?

Саня. Вы стали мне другом.

Вадим. Но это же хорошо...

Саня (*как будто не слыша его*). И кино вчерашнее – это вы. И цветы, то мне Сергей Павлович подарил. И женщина, с которой я сегодня разговаривала – это тоже вы. Всё вы.

Вадим. Это не я. Это вы, Саня. Но даже если и есть какая-то моя роль, то что же здесь дурного?

Саня (*не слыша его*). Будто началась жизнь. Будто вы ее запустили. И она теперь в меня колотится, как в дверь.

Вадим. А вы?

Саня. Приоткрываюсь.

Вадим. Так это же замечательно!

Саня (*твердо*). Я не хочу.

Вадим. Почему?!

Саня. Знаете, о чем я думала, пока вас ждала?

Вадим. Да?

Саня. О том, что в следующей книжке у меня будет психотерапевт. Предположим, Дэн. Вам нравится имя «Дэн»? И корзина цветов от магната. Сталелитейного, что ли? Они там все у них сталелитейные, магнаты. И женщина будет, Лора. Хотя нет, Лора уже была... Только теперь мне кажется, я в ней что-то упустила.

Вадим. Саня, но ведь вы можете опять столкнуться с теми же пробле... ну хорошо, ладно, пусть по-вашему, пусть с бедами!

Саня молчит.

Обещайте, что если вдруг ... вы опять придете.

Саня смотрит в пол.

Вадим. Ладно. Я понял. То есть, нет, вру, ничего я не понял. Ведь у нас с вами уже возник... контакт. Трудно, не сразу, но появился какой-то... гм... контекст общий... Началась коммуникация.

Саня. Это у вас контекст с коммуникацией. А у меня дружба. Я вам одну вещь скажу... Может, вы не знаете, но друзей у меня еще никогда не было. Я имею в виду – ненаписанных. Были Боб, Анна, Роланд, Большая Мама Стивенс, Роза... Да, еще Гильермо с Цезарией.

Вадим. Простите, я зарекся об этом... (*Взрывается*). Саня, они – фантазия! Они – образы на стекле! Они – тени, которые проплывают в голове перед сном! Это не жизнь, это сновидчество! Блуждание среди фантомов!

Саня. Они меня ни разу ничем не обидели.

Вадим. А я, выходит, только этим и занимаюсь, так? Ну, хорошо, ну, положим, ну, ладно... (*Сдерживаясь*). Ну, допустим, они – ваши... гм... друзья. Но я-то, я им чем помешал?

Саня. Не в них дело. Во мне. Помните, вы давно, в самом начале еще, спрашивали, каково мне быть центром своего мира?

Вадим. Да.

Саня. Я вам сказала тогда: трудно.

Вадим. Ну и...

Саня. А если двух миров? Ну, представьте... Словно это вы рветесь на части... Невозможно так жить, ведь правда?

Вадим (*глухо*). Правда.

Саня. Даже если у вас – дружба, а у того, другого – контекст с коммуникацией.

Встает. Вадим продолжает сидеть. Смотрит перед собой.

Вадим (*медленно*). Знаете, Саня. У меня сейчас почему-то такое чувство, словно я теряю близкого человека.

Саня подходит к нему, несмело проводит рукой по его волосам.

Саня. Ничего, ничего... Все будет хорошо...

Идет к выходу. На полпути вспоминает о чем-то, лезет в сумку, достает мятый конверт, кладет на край стола. Не оборачиваясь, с прямой спиной выходит. Вадим

переводит глаза на конверт, вскакивает, хватает его, быстро идет к двери. Выходит. Через некоторое время возвращается: конверт по-прежнему в его руке. Кладет его на тот же угол стола. Садится, упирает локти в колени, ладонями подпирает подбородок. Какое-то время сидит так. Потом встает, подходит к окну, вынимает мобильник.

Вадим (*говорит, с трудом подбирая слова*). Лилька?.. Ты только ничего не говори, ладно? Ты слушай... Моя радость. (*Пауза*). Любимая. (*Пауза*). Ты не плачь, Лилька, ты слушай. Жизнь моя. Зоренька ... Не плачь, Лилька. Все будет хорошо... Ты слушай, слушай...

Март 2010.